

Майкл Блумлейн

По живому

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160235

Оригинал: Michael Blumlein, "XY"

Перевод:

Татьяна Климентьева

Лев Дымов

Аннотация

Психосексуальный триллер.

Фрэнки, танцовщица в стриптиз-баре, каждый вечер все больше пьет на работе. Это помогает ей вынести обстановку. Однажды утром она просыпается как обычно, с головной болью, но и с чем-то новым: она считает себя мужчиной. Ее любовник Терри не может понять, в чем дело, и долго считает это просто ее блажью. Далее женщина, как бы сменившая свой пол, пытается воплотить свою роль, всячески подавляя своего любовника и издеваясь над ним психически и физически, т.е. "режет" его по живому.

Содержание

Пролог	3
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	37
Глава 4	64
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Майкл Блумлейн

По живому

Пролог

Однажды юный Тересий увидел на земле двух паривающихся змей. Он ударил их палкой, за это был превращен в женщину. Спустя семь лет он снова увидел спаривающихся змей и снова их ударил, за что был превращен в мужчину. Гера, богиня богов, сойдя с трона, задала ему вопрос – какая из двух сторон получает большее наслаждение при половом общении?

"Женщина", – ответил Тересий, и за это был ослеплен разгневанной Герой.

Глава 1

Поздняя ночь. На платформе из полированного дуба – десять футов в длину и пять в ширину, с зеркалами во весь рост на каждом углу – танцует девушка. Танцует в сопровождении песни о любви, в такт успокаивающих звуков неугомонного механического барабана. Несколько месяцев она слушает эту песню.

Ниже, на всю длину платформы, вытянулся бар и длинный ряд стульев, сейчас большей частью занятых, а позади – несколько кабинок. Бармену лет шестьдесят, на грубом лице озабоченное выражение: время уж совсем позднее, а у него работы невпроворот. Да, клиенты сегодня пьют, тяга у них большая.

Девушка танцует на высоких каблуках-гвоздиках: так велено. У нее длинные, сильные от танцев ноги, и брить их – одно из требований. Между ягодицами пролегла тонкая пурпурно-серебристая полоска "тет-а-тет". Упругие груди слегка колышутся в ритм танцу, они почти исчезают, когда девушка поднимает руки; на лице безразличие и тень удовольствия. Сегодня она выпила достаточно, чтобы чувствовать себя уверенной.

Танцуя, она должна смотреть на клиентов. Тем, кто любит сиськи – показывать сиськи, тем, кто любит попочки – поворачиваться и вертеть попочкой. Бывало, от избытка энергии

она раздвигала ноги, нацеливалась попочкой на клиентов и вся перегибалась. Тогда тот, кому нравилась грудь, мог смотреть на грудь, а кому нравилась попка, мог смотреть на попку. Ее ноги всегда на виду, лицо то появляется, то исчезает.

Когда ночной бар только начинал работать, знавшие толк в женщинах устроители понимали, что для танцовщиц пребывание здесь не будет сладким. Девчонка может свихнуться от пьяных физиономий мужиков, глазающих на нее час за часом. Поэтому в торцах платформы они установили зеркала, чтобы девушка могла любоваться собой, смотреть на знакомое ей отражение.

Закончилась песня, звуки ударного инструмента заполнили паузу к следующей песне. Девушка продолжает танцевать – уставшая, но взбодренная новой мелодией. До перерыва еще тридцать минут.

Бармен потянулся всем телом вверх и сунул танцовщице за "тет-а-тет" купюру. Он похлопал дважды ее по икре, давая понять, что там десять долларов от человека рядом со стойкой бара. Девушка плавно, под музыку, отставила ногу и изогнулась всем телом, ее глаза заскользили по мужчине, давшему деньги. Тот одобрительно кивал, улыбаясь.

Затем она повернулась к зеркалу и продолжала танцевать со своим отражением... скорее бы смена кончилась. Танец отрезвил ее и сейчас ужасно хотелось выпить, рот весь пересох.

На платформу вышла следующая, а эта торопливо скольз-

нула вниз к своей уборной. Здесь густо пахнет табаком и потом, вот она сейчас хлебнет "Джека Дэниэлса", у нее бутылочка в сумке. От виски в желудке стало тепло, она отхлебнула еще и завинтила крышку. Вытащила из-за трусиков купюру, разгладила и сунула в сумку.

Рядом с дверью – вешалки с костюмами для выступлений. Они похожи друг на друга тканью и фасоном, гладкие, без рукавов, с глубокими вырезами спереди. Она выбрала красный, своего размера, и натянула на себя. Получилось сильно в обтяжку. Танцовщица взглянула в зеркало и убедилась, что с лицом все в порядке. Линии подведенных глаз и губной помады не стерлись. Она капнула в глаза жидкость от покраснения, закрепила волосы и, глубоко вздохнув, вышла из уборной.

Отыскав у стойки мужчину, давшего ей десятидолларовую банкноту, она под села бочком, вытащила из его пачки "Вайсрой" сигарету, зажала между указательным и средним пальцами и, глядя на него и улыбаясь, замерла в ожидании. Мужчине лет пятьдесят, галстук бабочкой, на шляпе с короткими полями перо. Отставив стакан, он пошарил в кармане и достал зажигалку. Девушка прикурила и, затянувшись, выдохнула дым в потолок. Мужчина, закуривая, предложил ей выпить.

– Мне двойной, – сказала она бармену.

– А мне повтори, – бросил мужчина.

За выпивкой они разговорились. Девушка оживленно за-

давала вопросы, слушала, смеялась в нужный момент. Мужчина повеселел. Он подумал, что, может быть... ну лишь может быть... эта случайная... Он собрался с духом и коснулся руки девушки. Она руку не отдернула. Наоборот, заказала еще выпивку.

У танцовщиц существует своего рода обязательство – не только развлекать танцем, но и общаться с клиентами, быть вежливой, веселой и доступной. В результате мужчины больше тратят на выпивку. Девушки тоже пьют, а если им потом перепадают чаевые, делиться ими с хозяином не обязательно.

Часто мужчины в баре думают, что девушки дешевые и к ним легко подступить. Им кажется, здесь бордель. Но это не так. Танцовщиц никто не принуждает спать с клиентами. Они сами по себе ценность. И владельцы их берегут. Именно поэтому, когда мужчина с бабочкой, фантазируя, накрыл ладонью ее руку, она не испугалась, зная, что защищена. Где-то рядом всегда стоит "вышибала".

Клиент, конечно, не посвящен в эту тайну. Алкоголь, музыка, обнаженные девочки разбудили его фантазию. Сжимая руку девушки в своей, чувствуя тепло ее кожи, он готов на большее. Допив залпом стакан, он запустил глаза в вырез ее платья, пальцами повел по руке, потом коснулся груди и сдвинул ее, упругую, ускользающую, сладостно неуловимую.

Девушка смотрела вверх, поигрывая недокуренной сигаретой, она пыталась вспомнить, сколько ей сегодня еще тан-

цевать. От алкоголя внимание расплылось, лишь спустя какое-то время она поняла, что ее ласкают. Она отвела руку мужчины в сторону, стараясь сделать это красиво: вдруг опять даст денег. А мужчина уже сгорал от нетерпения. В такой час электрички не ходят, он останется в городе на всю ночь, он совершенно свободен. Отвергнутая рука вернулась обратно.

Девушке это не понравилось. Слишком уж походило на выяснение отношений. Она попыталась дать ему понять глазами, но мужчина, казалось, полностью ушел в собственные фантазии. Слова ее он тоже будто не расслышал. Тогда она повторила, и мужчина недовольно заворчал.

– Ты взяла мои деньги, а теперь возникаешь.

Девушка вздохнула и жестом показала на вышибалу – рост шесть футов и три дюйма, вес двести пятьдесят фунтов. Мгновение, и он рядом.

– У вас проблемы?

– Этот любовничек ведет себя надоедливо. Вышибала встал между ними.

– Это так, приятель, ты пристаешь к девушке?

– Она взяла мои деньги, и я в праве...

Вышибала посмотрел на девушку. Та отрицательно помотала головой.

– Нам надо поговорить, – бросил вышибала гостю. – Я тебе кое-что объясню. – И, схватив за локоть, он стащил его с высокого стула.

Гость попробовал сопротивляться, но тут же заметил, что голова болтается уже где-то внизу. Ведь он не мастер драться. Девушка посмотрела им вслед и отвернулась к стойке. Стало как-то не по себе. Парень-то одинокий. Он думал, конечно, что в обстановке разбирается. И вот его увели. Как печально. Она допила, что оставалось в стакане, и пошла к себе – готовиться к следующему номеру.

Когда рабочий день близится к концу, стоять на платформе – наслаждение, здесь безопасно и не нужно играть с чувствами клиентов. Она сильная, она способна освободиться от власти этого мира. Сейчас она танцует медленно, чувственно, можно подумать, она любит того, кто любит ее больше всех на свете.

И вскоре в бар вошел этот человек. Он послал ей воздушный поцелуй, она ответила легким покачиванием бедер. Время к закрытию, бар заполнен наполовину. Остались лишь завсегдатаи. Кто хотел напиться – уже пьян, любители посмотреть на плоть – посмотрели. Ощущение уюта: кажется, что она танцует среди своих друзей. Работа почти закончена, через полчаса получит деньги и уйдет со своим мужчиной.

За пятнадцать минут до закрытия в бар вошли двое. Дорогие костюмы, один сразу сел и сделал заказ. Девушка танцевала, всматриваясь. На одном из них ярко сверкнуло толстое кольцо, значит, человек с деньгами. Хотя она и устала, игра того стоит, подумала девушка и остановилась перед этими двумя. Она танцевала самое лучшее из своего репертуара.

Грудь дразнила, колыхаясь, бедра пошли кругами, кисточки на пляшущих нитях задергались. Не зная, что им нравится, она показала и попку, и сиськи, и ноги. Все в полном ассортименте. Стало как-то даже забавно.

Один из них заметил ее и ткнул второго, постарше, пальцем в плечо. Мужчина взглянул вверх, вдруг с улицы послышалось завывание сирены – скорая помощь или пожарная машина. Мужчина будто оцепенел. Он смотрел на девушку, девушка на него. Прошло сколько-то времени. Взгляды недоумения и ужаса. Внезапно он повалился всем телом на стойку бара. У девушки перехватило дыхание и, пошатнувшись на своих каблуках-гвоздиках, она рухнула на платформу.

Глава 2

«Сутер», книжный магазин, где работает Терри Коннор, своим названием обязан Адольфу Сутеру – одному из трех братьев, покинувших Германию в середине девятнадцатого века. Джозеф, самый старший, потерялся на море в жуткий северо-атлантический шторм. Спустя год или два Эмиль подхватил туберкулез. Поэтому Адольфу, самому молодому, пришлось искать дополнительную работу. Первым подвернулось место в Обществе медиков Нью-Йорка – протирать библиотечные полки по вечерам и заниматься инвентаризацией. Большинство книг были на немецком, Адольф часто задерживался допоздна, листая медицинские тексты. Через несколько лет умер Эмиль, и Адольф бросил дневную работу. К тому времени он уже прилично владел английским и имел энциклопедические знания, почерпнутые из литературы в этой библиотеке. Вскоре он получил повышение, денег стало хватать не только на самое необходимое. Одно влекло за собой другое: на рубеже своего тридцатилетия Адольф покинул синекуру – Общество медиков – и стал пробиваться дальше самостоятельно. Он открыл специализированный медицинский магазин в малюсеньком складском помещении в Антикварном ряду, вскоре магазин стал многопрофильным. Медицина при этом оставалась его главным интересом, знал Адольф так много, что дипломированные врачи справ-

лялись у него о новых методах лечения неврастении, хронического уретрита или подагры или просто консультировались по каким-нибудь сложным случаям.

Адольф умер в 1925 году, его дело продолжил сын, не питавший к книгам столь сильного интереса, но магазин приносил ощутимый доход и поддерживать семью это очень помогало. Он управлял грамотно, хотя без увлеченности, стремился как можно раньше переложить этот груз на плечи сына. Молодой Сутер, хоть не выдавший воочию своего дедушку, книги очень любил и в книготорговле дела его пошли успешно. Правда, не в пример дедушке, он увлекался не наукой, а художественной литературой, поэтому на полках было полно всяких романов, стихов. Магазин расширялся в семидесятые, прошло десять лет – и вновь возникла проблема площадей. Книги о сексе, о диете лежали поверх научных и медицинских трудов. Казалось, пройдет немного времени, и медицину изгонят совсем.

Внук Сутер был воспитан в духе традиций, он ни за что не решался расстаться с тем, на чем основывался когда-то магазин. Хотя бухгалтер доказывал, что при том, как сильно выросла арендная плата, в условиях, когда книжные магазины справа и слева мрут как мухи, вкладывать крупный капитал в такое время – риск необоснованный, молодой Сутер расширился. На этот раз вниз, в подвал старинного каменного здания. Сразу стало просторно огромным научным томам с их пространственными рассуждениями о чем угодно. А наверху

освободилась комната для бестселлеров, от их продажи зависела теперь жизнь магазина. Сутера, казалось, не волновало, что некоторых клиентов отпугнуло хранилище внизу, как и то, что этот огромный кладезь информации требовал определенного ухода. Интуиция подсказывала ему, что он прав, ради сохранения традиций он готов был пойти на большее, чем просто риск.

Будь Терри Коннор идеалистом, многих проблем для него не существовало бы. Время его ушло, так, по крайней мере, он считал. Он нанялся на эту работу, потому что нуждался в работе. Кое-что он знал о науке и к книгам относился по-своему хорошо. Сначала работал в комнате наверху, где за ним присматривал вечерний управляющий, Пинкетт. Прошел месяц и его перевели в подвал, там через два месяца он стал старшим продавцом. Будучи мелким придирай и занудой, Пинкетт предпочитал держать мужчин и женщин порознь. С последними он работал сам наверху, а мужчин отсылал всегда вниз. Терри ничего не имел против, хоть и терпеть не мог помещения без окон и флуоресцентный свет: внутренний голос говорил ему, что подвал – самое для него место. Скрыт от всех, никто не мешает. Со временем он привык здесь, хотя работа с медицинскими книгами была не из легких. Он листал что-нибудь, а душу терзали противоречия, от ощущения некоего "неразвязанного узла" жизнь казалась безнадежно хрупкой.

Сейчас, правда, стало намного лучше, потому что рядом

Фрэнки. С появлением ее у него появилась цель в жизни, чувство радости, схожее с тем, когда он учился в медицинском институте. Три года прошло с тех пор, как его выгнали.

* * *

Терри посмотрел на часы на стене. Спокойный вечер в середине недели, последний день марта. За исключением бородатого человека в пальто, в хранилище никого нет. Терри незаметно рассматривал человека, пытаясь разобраться, кто он такой. Лет под пятьдесят, довольно упитанный, замысловатая трость и кожаные перчатки. Бизнесмен? А может, профессор-вдовец из местного университета. Листает книжку о каннибализме – примитивная, правда, современная. Антрополог? Или повар?..

Человек захлопнул книжку и открыл другую, плавным движением утопив первую в складках одежды. Он продолжал читать как ни в чем не бывало. Мастерская работа, Терри чуть не проглядел. Сердце гулко заухало – к разборке. Он было шагнул от прилавка, но передумал и остановился. Время к закрытию, и сейчас заниматься неприятной историей не хотелось. Если отсюда пролясть ему, получится некрасиво. Обвинение-опровержение-осмотр... Возможно, сразу признается, или наврет нечто душещипательное. И то и другое – неприятно. И Терри решил дать человеку возможность уйти из магазина. Он наверняка попадет на электронный

сенсор, встроенный в двери главного входа. Разбираться станет кто-то другой. А если этот человек сумеет размагнитить книгу – ну что ж, он свободен.

Мужчина наконец закрыл книгу и, уходя, резко мотнул головой в сторону Терри. Сейчас без четверти одиннадцать, подумал Терри, и, вложив закладку в свою книгу, принялся выключать повсюду свет. На выходе он спросил Бренду, кассиршу, не желает ли она к нему присоединиться, поедят вместе. Фрэнки освободится немного позже. Но Бренда отказалась, показывая глазами в сторону парадных дверей. Там стоял мужчина рядом с сенсорным датчиком, его обступили Пинкетт и охранник в форме. Руки его крепко прижаты к груди, лицо пылает, он говорит срывающимся голосом. Когда Терри проходил мимо, человек посмотрел на него, как бы моля о пощаде. Его глаза призывали остановиться, но Терри прошел мимо. Что бы здесь сейчас ни происходило, к нему это не имеет никакого отношения.

Он шел по Четырнадцатой улице. В витрине какого-то магазина торчали три манекена, один из них показался живым. Бывало, он ошибался, многие фасоны демонстрируют на живых манекенах. Ошибаясь, он каждый раз чувствовал себя неловко. Сегодня они демонстрируют платья из хлопка и купальные костюмы. На улице сорокоградусная жара.

Он пересек Юнион Сквер, темную и пустынную. Завернув за памятником Джорджу Вашингтону, восседающему на коне, вынул из кармана тощую сигаретку с марихуаной и за-

курил. После нескольких затяжек спрятал в ладони и вышел из укрытия. Через улицу красовался рекламный щит с кучерявой блондинкой, возлежавшей на боку – голова покоится на руке, согнутой в локте, прозрачное белое нижнее белье. Улыбка очаровательная – вот тут Терри понял, он понял, от чего сэр Вашингтон такой прямой, прямо-таки негибачаемый в седле. Видит око... Жизнь полна разочарований и неудовлетворенности. Попал в шторм – постарайся его пережить. Иначе никак.

В парке Терри затянулся еще несколько раз, потом, затушив сигарету о дерево, сунул бычок в рот и съел. Ночь прохладная, но приятная. Настроение сейчас получше. Скоро он увидится с Фрэнки, позже уложит ее в постель. Терри расстегнул пиджак и втянул в себя воздух. Она ниспослана мне Богом. Он чувствовал себя сильным и крепким. Вдруг в голову пришла мысль навестить Маркуса, тот работал в больнице "Парк Мемориал". Терри побежал трусцой вдоль Семнадцатой Восточной – людей почти не видно. Повернув к центру города, он увидел хромого с размотавшейся грязной повязкой на ноге, мимо промелькнула любовная парочка, говорили по-испански. Еще десять минут – и он в "Парк Мемориал".

Главные двери в больницу были уже закрыты. Обогнув приемный покой для экстренных больных, Терри нырнул незаметно в служебный вход. Он вошел в раздевалку как раз тот момент, когда Маркус закрывал свой шкафчик. Терри

прислонился к дверному косяку, переводя дыхание.

– Привет.

Маркус поднял глаза. У него были темные волосы, красивое лицо, переменчивое, то угрожающее, то мальчишеское. Увидев Терри, он расплылся в улыбке.

– Ну привет, – воскликнул он, застегивая рубашку и поднимаясь.

Терри подошел, они обнялись, его голова чуть коснулась плеча Маркуса.

– Ты закончил?

– Закончил и ухожу.

Терри усмехнулся. – Хочешь "полетать"?

– Ну-у, – дурашливо затыкнул Маркус, опуская голову на грудь и дергая ею вверх. – Вообще-то... если честно... я тоже хочу покурить.

Терри вытащил несколько тощих сигарет и чиркнул спичкой. Только успел он это сделать, Маркус задул.

– Нет, нет, не здесь, – быстро проговорил он, хватая Терри за руку и выталкивая его из комнаты. – Нельзя нарываться. Здесь всегда следят. – Его глаза бегали. – На улице, под лавкой, в укрытии. Везде глаза и уши. А кто следит, тот и покушать может.

– Но в комнате ведь никого нет, – пробормотал Терри. Они шли по длинному коридору больницы. Огромные, покрытые толстым слоем пыли трубы тянулись прямо над их головами. Генератор зудил ядовитым эхом о бетонные стены.

– Это ты никого не видел, – поправил Маркус. – То, что ты видишь, совсем не такое, как на самом деле. Ты иди за мной, мы найдем безопасное место.

Терри не спорил. Он привык к излишней осторожности Маркуса. Сначала-то, когда они только познакомились, он считал его сумасшедшим, параноиком, потому что Маркус таскал с собой оружие и вешал на двери кучу замков. Но с годами он стал его понимать: Маркус вырос в климате насилия, побывал во Вьетнаме. Его осторожность – не паранойя, а если точно, не чистая паранойя. Терри – порывистый и неосторожный от природы, понял это не сразу.

Маркус подвел его к двери в конце туннеля, откуда выход вел в малюсенький дворик, заброшенный с тех времен, когда построили это крыло больницы. Других входов не было, нависавший бетонный козырек скрывал от посторонних взглядов.

– Ты всегда кайф ловишь на работе? – спросил Терри.

– Я иначе и работать не смогу. А они все хотят, чтобы я об этом даже не думал. Это как птичке сказать, чтобы она не летала.

Были разные приемы, которыми Маркус защищал себя. На работе он вел себя несдержанно, прикинуться полусумасшедшим ему ничего не стоило. Если старшему смены приходило в голову вдруг придраться, Маркус, огромный негр, хватал метлу обеими руками, как оружие, лицо под капюшоном напрягалось, глаза метали искры: вот-вот взорвется. В

девяти случаях из ста старший предпочитал не трогать его, так как было много других, найдется кем командовать.

– Однажды я попал в улет, когда работал в больнице, – сказал Терри, он прикурил, передал сигарету Маркусу. – Ощущение было такое странное. Каждый, кто на глазах, как бы распахнут... так откровенно все, сразу не поймешь, пациенты, я и медсестры. Передозировка...

– А у меня сейчас не так. Я только мою полы. Они хотят, чтобы я думал только об их мусоре и хламе по углам. Но ведь это совсем не одно и то же.

– Да-а, – вставил Терри, – люди, это не то же, что полы.

– Ну, пошли, – бросил Маркус, закончив сигарету и открывая дверь.

Воздух в туннеле показался спертым. Терри шел следом за Маркусом. После этих минут в подземелье он стал нервничать. Несколько лет назад его здесь как-то раз поймали. Они добрались до улицы без происшествий, Терри пригласил Маркуса чего-нибудь выпить. Тот отказался.

– Тетушка Орфа приехала с Юга. Я обещал ей быть в полночь. А где Фрэнки?

– Работает. Освободится через пару часов.

– Она все там же?

– Да, в "Вирго".

– Мне она нравится, – заметил Маркус. – Понимаешь, у нее нет проблем.

Терри засмеялся. – Да, это так, Маркус. Ладно, поцелуй

первого старика, которого встретишь.

Маркус наклонился всем телом и, вытянув голову и сморщив губы, поцеловал воздух. Потом стал поворачиваться по кругу, рассылая поцелуи во всех направлениях. Наконец он поднял руку и элегантно жестом прижал ее к губам.

– Приходи еще, – наказал он Терри на прощание. – И зелье хорошее приноси.

Терри смотрел на удаляющегося Маркуса и думал, что делать дальше. Вроде есть хочется и как-то одиноко – так действует эта травка, а другой, получше, у него нет. Терри застегнул пиджак и быстро пошел по Третьей улице. Рядом с Тридцатой был китайский ресторан, открытый, значит, можно поесть. Он прошел мимо чернокожего в тряпье и с опухшим лицом, у пальто рваная пола, в руке пластиковый стаканчик, черный им затряс, увидев Терри. С тех пор как Терри перестал работать в больнице, он почти не обращал на таких внимания, лишь иногда останавливался поглазеть. Выживание... как низко способен пасть человек, пряча от грызущей боли. И у этой боли есть цена. Сейчас, может быть почувствовав собственную уязвимость, Терри вернулся и бросил в стаканчик пару монет по двадцать пять центов. Чернокожий пробормотал что-то непристойное и запросил доллар. Глядя ему в глаза, Терри раздумывал – а потом сказал "нет" и ушел.

Ресторан крошечный, буквально дыра в стене, в нем было душно и тускло. С потолка свисали голые лампы в бумаж-

ных гармошках – на них пасторальные сцены древнего Китая: вершина горы с нависшим снегом, преодолевающий течение лодочник с шестом, рисовое поле. В глубине ресторана сторбились над столом двое чернявых детишек, они держали карандаши в ручонках и о чем-то сосредоточенно думали. Уже поздно, а они все еще делают домашние задания. Терри смутился. Жизнь взрослых – довольно сложная штука, но эти-то ведь совсем дети. Им давно пора лежать в постели и видеть сны.

Принесли заказ, и Терри жадно накинулся на еду. Почувствовал себя лучше, когда закончил, и совсем повеселел, прочитав на листочке бумаги – начинка доставшейся ему "счастливой печенюшки" – о невероятных приключениях на его пути. Опять посмотрел на детей, они по-прежнему занимались своим серьезным делом. Ну, может, из них получится что-нибудь путное.

Оплатив счет, Терри вышел. Пять минут первого, в "Вирго" идти еще рановато: Фрэнки занята, она выступает до самого закрытия бара.

Чтобы хоть как-то убить время, Терри решил посмотреть, как там проживают проститутки. Раньше их было полно вокруг "Вирго", но потом навели порядок – городские власти добились крутых перемен. Правда, колорита поубавилось. Сейчас, чтобы найти проститутку, нужно долго идти по Одиннадцатой к мертвой зоне – туннелю Линкольна. Заметить их в столь поздний час легко, они как птички на про-

воде. Может, и хорошо для кого-то, но Терри чувствовал себя незванным гостем. Он прошел мимо Джэвитс-центр на Сорок пятую, держась правой стороны улицы. На противоположной прохаживались "дамы": там легче заманить ночного путника, пока тот не успел добраться до туннеля или своего дома в Джерси. Сегодня относительно спокойно. Подкатил лимузин, потом красная спортивная машина и пикап. Терри развлекался, пытаясь определить, кто из "дам" мужчина, а кто женщина. Обычно это получалось легко, но бывали и ошибки. Сегодня женщины выше ростом, мужчины похожи на кактусы в яркой одежде и макияже. Большинство из них принимают гормоны, другие сделали себе пластические операции. Если посмотреть вблизи или даже прощупать – все равно не поймешь.

Стало холодно: на город опустилась ночь. Терри продолжал идти по Пятнадцатой, пока не достиг Бродвея. Отсюда виден "Вирго", когда-то его окружали многоэтажные клубы с крикливыми вывесками: "Любовный притон", "Маркиз", "Розовое шале". Сейчас "Вирго" одинок, напротив него огромное здание со множеством коммерческих компаний на нижних этажах и квартирами наверху – здесь можно прожить всю жизнь, не выходя из дома. Здание слева от "Вирго" в развалинах, оно будто задумалось, ожидая чьей-нибудь решительной руки и возрождения. А тот, что справа – заколочено. Терри смотрел и удивлялся, почему "Вирго" сумел выжить. Этот бар начал свою деятельность по меньшей мере

за пятьдесят лет до того, как в соседнем баре, "Тэдс Кэн Ду", после сексуальной революции в ранние семидесятые появились официантки с голыми грудями. В семьдесят четвертом владельцы сменили вывеску на "Вирго" и соорудили фантастический театральный козырек с образом леди Годивы¹, ее белокурые локоны усыпали грудь и тело. К нынешнему времени изображение померкло и местами потрескалось, зато неоновая вывеска продолжала гореть ярко. Она ярче, чем будущее самого бара, подумал Терри.

Наконец он достиг цели. Толпа подвыпивших бизнесменов и их жен с пластиковыми значками-свинюшками и призывами "Покупайте свинину" прилипла ко входу в "Вирго". Они заглядывали в щели дверей, женщины тянулись на цыпочках, стараясь что-нибудь углядеть через плечи мужей. Кто-то хрюкнул несколько раз и добавил: "У свиненков течка". Все засмеялись.

Терри помочился в сторонке и стал пробираться к входу, расталкивая толпу. На него посыпалась брань.

– Убирайтесь отсюда к черту! – рявкнул он, решив сыграть роль ревнивца-любовника. Некоторые в толпе брюзжали и пытались его схватить. Терри оскалился. – Вы, свиньи, прочь отсюда! – Он обнажил клыки и шумно задышал. Глаза дико закатились, он издал рык.

Свинята пришли в смятение. Впереди стоящие попяти-

¹ Леди Годива, как гласит легенда, согласилась голой проехать по всему городу Ковентри [Англия], чтобы освободить свой народ от тяжелого налога.

лись. – Нам лучше уйти, – сказал кто-то. – Разве вы не видите, это сумасшедший. – И они отступили, продолжая пятиться на него. – Он, наверное, нажрался тех самых наркотиков, о которых писали в "Тайм". Как же они называются?..

Толпа исчезла, и Терри принял нормальный вид. Он был собою доволен. Рыкнув последний раз и засмеявшись, вошел в бар.

Джерри Кокс, вышибала, стоял у дверей. Как всегда одет безукоризненно: пиджак из верблюжьего волоса, такие же голубые брюки, кожаные ботинки с кисточками. Сегодня на нем цвета беж черепаховый галстук, за которым едва скрывалась гигантская шея.

– Ты как всегда на страже, Джерри? – приветствовал его Терри, хлопая по плечу: обмениваться с ним рукопожатием опасно, может раздавить.

У Кокса внутри что-то заклокотало. Отвороты пиджака скользнули в стороны, обнажив грудь – кусок мрамора.

– Тебе лучше быть всегда со мной, мал-человек. Тогда никто не бросит в тебя камень.

– Этого человека никто не посмеет тронуть, особенно сегодня, – выпалил Терри, тыча большим пальцем себе в грудь. И рассказал о недавнем инциденте.

На Кокса это никакого впечатления не произвело.

– У тебя возникнут проблемы, если не перестанешь болтать. Это мешает бизнесу.

– Проблемы – это и есть мой бизнес, – встал в позу Терри.

Кокс скопился на него.

– Ты будь-ка сегодня потише, понял? Укладывай свою задницу и не шуми.

Терри был слишком поглощен собой и не обратил внимания. Он шаркал ногами и игриво перекидывался словами с гигантом. Кокс был не в настроении. Он схватил Терри чуть ниже плеча, сразу вспыхнула боль.

– Эй, ты что, отпусти, – Терри пытался вывернуться, но не смог.

Кокс подтащил жертву ближе и, склонившись над его лицом, произнес: – Что ты делаешь снаружи – твое дело. – Из рта пахло освежителем. – Но здесь меня это касается. Я сегодня не в духе, Терри. Будь пайнкой, не доставляй мне хлопот.

– Он отпустил Терри, похлопал его по плечу и, ушел, улыбаясь.

Терри стоял ошарашенный, потирая раздавленную руку. В кончиках пальцев пощипывало. Чувство довольства собою растаяло. Он поплелся к бару, там заказал пиво. Выпил полбутылки, полегчало. Кокс, сукин ты сын. Фрэнки, вот почему он здесь. Он здесь из-за Фрэнки. Она сегодня хороша, выглядит свежо, чувствует себя свободно, сексуальная. Он послал ей поцелуй, она ответила легким покачиванием бедер. Он улыбался, предвкушая, что скоро с этой птичкой отправится домой.

Вскоре в бар вошли двое хорошо одетых мужчин. Тер-

ри вначале их услышал – смех ворвался в ритм дробной мелодии танца. Он повернулся на стуле, они как раз проходили мимо. Первым шел блондин, с красноватыми усами-завитушками над губой. Стрижка под старину, баки до мочек ушей. Второй постарше, лет за сорок, в волосах блестит седина. Дорогой костюм, сшитый, вероятно, по заказу; на лацкане золотая булавка, платочек в нагрудном кармане. На пальце блестел массивный бриллиант. Оба гостя подсели к стойке бара, заказали напитки. Тот, что постарше, осмотрелся, как бы только что заметив, куда его занесло.

Терри посмотрел на Фрэнки – заметила ли она новых гостей? Порою она бывала слишком пьяна и не обращала внимания на клиентов. Но сейчас все нормально. Тело ее работало, играли волны и переливы плоти. Блондин первым заметил ее и толкнул спутника. Терри улыбнулся. Он уже подсчитывал, сколько Фрэнки сумеет выудить денежек из богатеньких дядечек.

Покончив с пивом, Терри поднялся со стула, решив, что пора помириться с Коксом. Такие ссоры не в его интересах. Проходя мимо дверей, он услышал сирену, она показалась пронзительнее обычного и страшнее – наверное, новая модель, полиция модернизируется. Вспомнились жуткие крики деток, накачавшихся крэка. Терри зябко поежился... где же Кокс? Краем глаза он увидел одного из богатеньких, тот казался замороженным. Почему? Терри скользнул взглядом по платформе. Фрэнки не танцевала. Что-то случилось? Она

стояла оцепеневшая, лицо исказилось как от испуга. Вдруг ее затрясло, ноги подкосились, в замедленном движении увядающего под солнцем цветка она повалилась на пол.

Терри уже через секунду был рядом, держал ее голову, громко окликал и бил по щекам. Не помогало. Он заорал, чтобы остановили музыку, и принялся вдвухать воздух Фрэнки в рот. Слышно было, как пошел воздух. Грудь поднялась. Раздражал исходивший от нее запах виски. С помощью Кокса-великана Фрэнки снесли вниз, в комнату для переодевания. Там глаза ее открылись, но глазные яблоки вращались в разные стороны. Лицевые мышцы дергались как при тике. По всему телу пробегали судороги, резкие и неритмичные. Казалось, у Фрэнки припадок, но уж очень необычный, ни на что не похожий.

– Клади ее сюда, – сказал он Коксу, расчищая пространство в середине комнаты и сваливая туда с вешалок одежду.

Кокс осторожно положил Фрэнки на пол и отступил. – Может, надо вызвать скорую помощь? – спросил он.

Терри молчал; присев сбоку, он рассматривал пляску мышц на лице: напряжение – расслабление...

– Терри, она много выпила, – пояснил Кокс, извлекая из сумки бутылку "Джека Дэниэлса", та была на три четверти пуста.

Терри кивнул и смахнул волосы с глаз Фрэнки. Мышцы, казалось, унимались, дышала она ровнее. Глаза синхронно подергивались. Сейчас она была похожа на заурядную пья-

ницу.

– Может, лучше мне забрать ее домой? – предложил Терри.

– Да, – быстро согласился Кокс. – Это лучше всего. Вот... – Он отсчитал несколько банкнот из пачки, лежавшей в кармане. – Я сейчас поймаю такси.

Когда тот ушел, Терри попытался расшевелить девушку. Глаза ее отреагировали на голос, но взгляд оставался стеклянный. Все-таки она поддалась его команде, он помог ей сесть, потом одеться. К возвращению Кокса она уже стояла. Несколько шагов на негнущихся ногах – и Фрэнки повело назад. Она двигалась как пьяная. Когда они уходили, в баре уже никого не было – тишина, горит свет, бармен смотрит на них из-за стойки.

– Мы едва впихнули того мужика в такси, – сообщил он Коксу. – Ну, как Фрэнки, ей лучше?

– Вроде. Малость переволновалась, завидев старика. – Кокс подмигнул и хлопнул Терри по руке. – А он жеребец что надо!

– Дерьмовая это работа, – пробормотал Тед, вновь принимаясь протирать стаканы. – Ей бы сидеть дома да растить детей.

– Именно домой она сейчас и отправится, – проворчал Кокс. Он помог дотащить Фрэнки до такси и посадить поудобнее. Она уже лучше передвигала ногами, но говорить не говорила. Оставленная в каком-то положении, она в нем и

оставалась – волевых, произвольных движений не было. Терри подсел рядом и сказал водителю, куда ехать.

– Когда она очнется, передай, пусть возьмет пару выходных, – напутствовал его Кокс. – Потом приводи обратно.

Кивнув, Терри захлопнул дверцу. Такси быстро помчалось по ночному Бродвею. Водитель молчал, из-за уха у него торчал карандаш. Когда загорался красный свет, он разгадывал кроссворд, лежавший на приборной доске. Терри весь путь пытался разговорить Фрэнки. На голос она не поворачивалась, на вопросы и уговоры отвечала молчанием. А когда он умолкал, или даже на полуслове, ее взгляд устремлялся куда-то в одну точку. Движения какие-то бестолковые, в окружающем не ориентируется... Совсем как ребенок, впервые увидевший мир, подумал Терри. Пока ехали, он крепко прижимал ее к себе. Она не вырывалась, но и не отвечала на объятия. Обычно, пьяная, она бывала податливее.

– Фрэнки, ты отдыхай, – прошептал Терри, притягивая к себе ее голову. – На сегодня хватит. Отдыхай. Мы почти дома.

Она воспротивилась его руке, но это длилось не больше мгновения. А когда она поддалась, у Терри сразу стало легче на душе, и уже не так раздражал запах алкоголя и пота, исходивший от Фрэнки. Он пробежал пальцами по ее волосам и вздохнул.

Такси повернуло на Хьюстон и за Лафайет замедлило ход, Терри показал на старый кирпичный дом без лифта, уткнув-

шийся меж складом и таким же точно домом. Потом заплатил водителю одной из купюр Кокса и потащил Фрэнки из машины, не дожидаясь сдачи. Взвалив девушку на плечо, поднялся по крутым лестничным пролетам к себе в квартиру. Захлопнул дверь, повернул замок и включил свет. Они находились в узкой прихожей – шлакоблочные стены и голые деревянные полки для книг, больше ничего. Высокий арочный потолок усеян трещинами. Латунная тарелка с тремя голыми лампочками, одна не горит. Напротив полок две двери: первая ведет в спальню, вторая – в туалет. А в конце прихожей гостиная, за ней небольшая кухня. Терри один вошел в спальню, сбросил пиджак на пол, включил телевизор. Их постель представляла собой матрац на полу. Терри хлопнулся на матрац, уверенный, что Фрэнки сейчас придет. Через минуту-две позвал ее. Молчание... Он позвал снова, потом встал и вернулся в прихожую. Фрэнки даже не сдвинулась с места.

– Ну пойдем же, – сказал он, обнимая ее за талию и пытаюсь увлечь в спальню. – Ты, должно быть, сильно устала.

Он подвел ее к постели и усадил. Казалось, все внимание Фрэнки теперь сосредоточилось на телевизоре. Остановившийся взгляд немигающих глаз, поглощенных мерцающим экраном. Терри принес ей поесть, она приняла пищу без слов, жевала и глотала, не открывая глаз от телевизора. Выражение лица не менялось. И Терри заволновался. Может, она сбрендилла. Терри попытался вспомнить лекции по

неврологии, но тщетно. Он злился на Фрэнки: зачем напи-
лась?

Терри выключил телевизор, Фрэнки продолжала смотреть
на экран. Лицо, даже и пустое, оставалось прекрасным. Тем-
ные вьющиеся волосы, глаза-полумесяцы, полные красные
губы. Он почувствовал, что возбуждается.

Секунду назад ему казалось – здесь что-то не так, а сейчас
он понял: притворяется. Это игра. Она его соблазняет, зама-
нивает красотой и сдержанностью. Что ж, ему это нравится.
Он взял ее за подбородок и повернул к себе. Поцеловал в
щеку, губы.

– Ты прекрасна, – прошептал он и, нащупав ее вялый
язык, чуть куснул. – Я люблю тебя.

Не надо спешить. Уложив Фрэнки на постель, он осторож-
но снимал с нее одежду. Она не помогала, но и не противи-
лась. Иногда она бывала такой, когда напивалась. Но тогда
Терри сам не хотел ее трогать. Сегодня как-то иначе. Он чув-
ствовал необычайное возбуждение.

Терри старался быть нежным, старался не злиться на нее,
не думать о том, что может быть, она это нарочно придумала,
просто не хочет с ним спать. Ему-то хотелось. Хотя и уста-
лый к ночи и выпитое мешало, он кончил довольно быстро.
Оргазм получился так себе, но достаточно, чтобы успокои-
лись нервы, Терри выключил свет и положил руку ей на бед-
ро. И вскоре уснул.

Фрэнки не спала. Некоторые участки мозга, отвечающие

за сон, не функционировали. По крайней мере, этой ночью. Какая-то ужасная суeta мыслей, образов, воспоминаний. Звуки, запахи, вздохи. Это незнакомое место, какое-то тело рядом. Что-то произошло в этом мире. Разверзлась стена. Она движется по неверному пути... пошла... быть может, исчезает... Все то же... но другое... Она – ребенок – быстро-растущий. Скоро... на рассвете... она станет мужчиной.

Сирена

При встрече с необъяснимым и абсурдным принято призывать в помощь некую догму или систему ценностей. В этом качестве религия имела огромный успех во все время существования человека. Однако в последние восемьдесят лет ее вытеснила наука. Логические умозаключения вместо духовного постижения, методы научного исследования, поставленные над верой. Мы, напичканные знаниями и владеющие системой самоконтроля, радуемся угасанию инстинкта, исчезновению вкуса сырого мяса и крови. Мы вздохнули с облегчением, задвинув наши желания подальше в ящик, за стену. Мы говорим: я верю в науку. Слово «наука» произошло от латинского «sciens» – знание. А оно в свою очередь является производным от «scire» – знать. Это слово особенно важно для нас. Оно дает силу. Мало кто из нас помнит родство между «scire» и «scindere». «Scindere» – резать, его латинский брат «schizein» – расщеплять. Шизофрения – рас-

щепление. Или один равняется двум.

Сирена – это прибор, излучающий звуковые волны большой интенсивности, в котором периодически прерывается струя сжатого газа или пара. Первым его сделал в 1819 году Каньяр де ля Тур, француз, не различавший оттенков звука, и все-таки – страстный поклонник музыки. В последние годы своей жизни он познакомился с Гектором Берлиозом, тот использовал эффект сирены в своих оркестровках. Каньяр де ля Тур смоделировал прибор, фиксирующий вибрации звука. Он был первым, кто сумел точно измерить широкий спектр тонов. Он установил, что комар жужжит с частотой пятнадцать тысяч ударов в секунду. С помощью нового прибора Каньяр де ля Тур определил диапазон многих музыкальных инструментов, пения различных птиц, лая собак и так далее. Он без посторонней помощи развил теорию акустико-коитальной синергии, в которой, попытался связать высоту перикоитальной вокализации² с качественным результатом коитуса. Его исследования, к сожалению, оборвались, а интерес к сирене угас на многие годы.

В конце девятнадцатого века музыкальный инструмент претерпел большие изменения. Он стал способен производить колебания высочайших частот, трелеподобные звуки. А также проделал путь от измеряющего к производящему сигналы. Появились предупреждающие сирены, которыми успешно пользовались в защите от воздушных налетов, ма-

² Звуки, издаваемые в момент предварительного возбуждения и совокупления.

шинах скорой помощи, в полицейской работе.

Относительно недавно к излучателям был проявлен интерес иного рода. Английские исследователи в 1989 году обнаружили трехкратное увеличение неврологических заболеваний у лондонцев в период с 1941 по 1945 годы – по сравнению с теми, кто жил в Челтенхэме. Оказалось, виною всему сирены, возвещавшие о воздушных налетах. Те, кто жил в полумиле и менее от источника, были особенно подвержены неврологическим заболеваниям, проявлявшимся обычно расстройствами краткосрочной памяти, изменениями в поведении, эмоциональными отклонениями. Ученые из Финляндии в том же году подтвердили выводы англичан. Да и вскрытия показали разрушения нейронов, частичное вырождение их в лобных долях. Эти данные были подтверждены опытами на мышах, подвергавшихся "обстрелу" из высокочастотного излучателя на протяжении нескольких недель.

В Соединенных Штатах Америки о подобных явлениях писали не раз. Недавно Национальный Центр по изучению заболеваемости опубликовал эпидемиологические данные. Объектом исследований были три группы жителей (каждая насчитывала 113 "больных"), подвергавшихся воздействию сирены на протяжении десяти и более лет. Жители двух групп (Чикаго, Хьюстон) проживали в радиусе трех кварталов от крупного пожарного депо, третья группа (Лос-Анджелес) – в квартале от полицейского участка. Во всех трех группах было найдено тридцать процентов больных, страдающих

старческим склерозом мозга. Наблюдалось много и пограничных состояний, таких как гебефрения (дурашливость), детский аутизм. Арестов за проституцию, педерастию, эксгибиционизм было в десять-пятнадцать раз больше, чем в среднем по стране.

В отличие от европейских коллег, американские исследователи это связывают с тем, что слуховой аппарат человека находится в непосредственном контакте с участками мозга, которые управляют эмоциями. Мы видим только часть айсберга, утверждают они.

Звук сирены проникает глубоко, вызывает перестройку синапсов или даже их разрушение. Тысячи, возможно, миллионы людей сейчас подвержены такому воздействию, а значит, и неврологическим нарушениям преимущественно эмоционального и ментального типа. Практические врачи должны быть готовы ко всевозможным проявлениям.

Издrevле воины африканских и южноамериканских племен большое внимание уделяли искусству владения голосом. Гиканье, вопль, рев отрабатывались с особой тщательностью. Перед боем и во время боя воины издавали "вселенский" рык: сначала слышались отдельные голоса, потом они сливались и неслись "лавиной". И действовало – противник впадал в полуобморочное состояние, ряды его расстраивались, он панически бежал.

Есть Сирены, явившиеся нам из мифа. Это полуптицы-полуженщины, обитающие на очень далеких островах в

море. Чарующим пением о райском наслаждении они завлекают странствующих моряков и безжалостно губят их.

Есть другие Сирены – красивые женщины, умеющие соблазнить голосом, ибо голос их – пение. Редко какой мужчина может устоять. Бедняжка, он вдруг понимает, что это за птица. Но поздно...

Глава 3

Фрэнки де Леон оставила колледж на третьем году обучения и уехала в Нью-Йорк. Ни отец – уже умерший, ни мать – пугавшая темным и неопределенным будущим, не могли ее остановить. Она поселилась с дружкой в кишасей тараканами лачуге на Восточном Побережье. То были два месяца суеты и беготни.

– Восточное Побережье, черт возьми, это не для меня, – заявил однажды дружок, съезжая куда-то – что означало: он терпеть ее больше не может и потому покидает. – Я хочу уехать на Запад.

А Фрэнки мечтала о Колорадо, Калифорнии и втайне надеялась, что он тоже. Спустя шесть месяцев она узнала, что он поступил на работу к своему отцу в Хакенсэке, никакой это не запад, близко совсем, доплюнуть можно. Фрэнки расхохоталась, а потом пошла и напилась до омерзения, на следующий день тоже. С тех пор как закончила среднюю школу – любила приложиться, благо под рукой всегда есть чего выпить.

Фрэнки встретила Терри в магазине "Сутер". Она спустилась в подвал, ей была нужна книга по космологии, а когда нашла сунула себе в джинсы. Терри все видел и сразу окликнул ее. Ему понравился ее открытый взгляд в ответ, он даже почувствовал какую-то неловкость.

– Вы лучше верните книгу на место, – посоветовал он.

Фрэнки смотрела на него с отсутствующим выражением. –

Что вернуть?

– Книжку, – повторил он, – ту, что у вас в штанах.

Фрэнки смотрела на него, прикидывая, как далеко может зайти. Быстро оглядевшись, решила, что далеко.

– Какую книжку?

Терри тяжело выдохнул. – Да-а-мочка, я сам видел, как вы ее туда совали. Положите книгу на место и валите отсюда.

– А вот докажи, – выпалила Фрэнки и, выпятив грудь, скрестила руки.

Терри вздохнул, встал со стула и, обогнув конторку, вплотную приблизился к девушке.

– Чего вы добиваетесь? – спросил он. – Ощупать вас, что ли?

– Делай свое дело, – отрезала Фрэнки, не обращая внимания на прозвучавшую издевку.

Продавец не шелохнулся, и Фрэнки улыбнулась.

– Ты что, примерз?

Незаметно их роли поменялись. Фрэнки взяла его руку и сунула себе под рубашку – на два дюйма выше украденной книжки.

– Ну, найди же, – шепнула она.

Рука Терри дрогнула, и Фрэнки позволила себя погладить. Секундой позже пальцы нащупали книжку, затем спустились вниз, оказались между книжкой и низом живота, по-

том добрались до лобка, прошлись по волосам, какое-то время топтались на месте – и вернулись наружу.

– Ну, нашел что-нибудь? – небрежно бросила Фрэнки.

Терри отрицательно помотал головой. Ему хотелось трахнуть эту девушку – здесь же, немедленно.

– Значит, я могу уйти?

Терри машинально поднес пальцы к носу и вдохнул женский запах. Ему показалось, что он играет кем-то заготовленную для него роль.

– Ты, конечно, можешь идти. Но на выходе попадешься: там встроено сигнальное устройство.

Фрэнки задумалась. – И что же мне делать?

– Давай трахнемся, прямо сейчас.

Она отшатнулась. Потом лицо ее скривилось в неохотной улыбке. – Сейчас мне нужно на работу.

– Тогда позже.

– Н-ну... Есть карандаш?

Терри протянул ей ручку.

– Отвернись.

Он отвернулся, и Фрэнки вытащила из-за джинсов книжку, на титульной странице написала свое имя, поколебалась, может, пошутить и дать фальшивый номер телефона, но указала настоящий и вернула книгу. Потом она резко повернулась и ушла.

Терри сделал несколько шагов за ней, но она даже не взглянула. Ей хотелось забыть только что происшедшее хо-

тя бы на время. И Терри остался один, в руках еще теплая книжка. На пальцах запах женского тела, а в собственных штанах – огромный "ствол". Он зашел в хранилище и стал тереться о стеллаж с британской энциклопедией. Боясь попортить книги, он терся в штанах. Вскоре там стало липко и влажно. После опьянения оргазмом дорога назад показалась извилистой, и он поспешил спрятаться за конторку.

Потом взял книжку, открыл, пробежал глазами по названию – "Большой взрыв", чуть ниже справа имя девушки – Фрэнки де Леон. Он провел корешком по устройству размагничивания кодов. До конца работы еще несколько часов, так что штаны вполне успеют высохнуть. А книгу он заберет сам, конечно.

Их знакомство длилось шесть недель. Все шло хорошо, и они решили жить вместе. Фрэнки переехала к Терри, у него просторнее, да и тараканов поменьше. Вскоре она нашла работу в "Вирго", а Терри продолжал работать в "Сутере". Все как нельзя лучше. Секс приятный. Со временем они стали ближе, роднее. Много смеялись, шутили, чувствовали себя по-настоящему счастливыми и потому иногда говорили о любви.

* * *

Наступило утро. Фрэнки зашевелился. Спать ОН не спал, но в голове всю ночь что-то происходило. ОН сел на постели

и осмотрелся. Сейчас картины яснее, цвета как цвета, предметы имеют свои названия. Звуки за окном что-то значат. ОН понял, что отличается от окружающего мира. ОН в комнате, сидит в постели. На полу одежда, книги, радиочасы. ОН мог назвать их, но они не были ему знакомы, как и эта комната. ОН не помнил, как здесь очутился. И хуже всего, ОН не помнил своего имени.

* * *

Он встал с постели и тут же оперся о стену, ожидая, когда пройдет головокружение. В голове щелкали отголоски взрыва, язык был шершавый, как наждачная бумага. И он, ощупывая стены, направился в сторону кофейного запаха. Запах привел в маленькую кухню, где был какой-то человек.

– Доброе утро, – поздоровался человек, глядя на нее из-за газеты. – Тебе не холодно?

Фрэнки молча уставился на него.

– Как ты себя чувствуешь? – Человек налил кофе и поставил чашку поближе к ней. – Уверен, тебя вчера трахнули.

– Ты кто?

Человек хохотнул, потом встал и полез в холодильник. – Знаешь, я задал себе тот же вопрос минут пять назад. Что я за гадина такая и куда тащусь по жизни. Почитаешь газеты – и в голову лезет всякое. Пишут, например, один чудака прополз от Калифорнии до Нью-Йорка на руках и коленках,

благословляя землю и ее обитателей: муравьев, собак, птиц и ящериц – почему-то только их. Он в своей жизни сделал что-то заметное, и жизнь обрела смысл.

Он вытащил пару яиц и маргарин. – Тебе как, пожарить или скрэмбл?

– Ты кто? – снова спросил Фрэнки. – И что это?

– Что это? – повторил Терри, мешая яйца в сковородке. – Это есть ОНО, среднего рода.

Фрэнки поставил чашку на стол и, схватив Терри за руку, прокричал: – Я ведь не шучу. Ответь, кто ты? И где я?

В голосе звучала паника. Терри отвернулся от плиты и быстро отдернул руку: здесь все еще болело после стычки с Коксом в баре.

– Ты опять свою чушь... – скривился он.

– Чушь? – Глаза Фрэнки пробежали по комнате. – Что все-таки здесь происходит?

– У тебя похмельный синдром, вот что, Фрэнки. Миллионы клеток умирают каждый день. Пора тебе с этим кончать.

– А кто этот Фрэнки?

– Хороший вопрос. Кто такая Фрэнки? Вот и ответь мне.

Фрэнки схватил за больное место, впиваясь ногтями. Терри вскрикнул от боли и вырвался.

– Вот этого больше не делай, – предупредил он.

– Скажи, кто такой Фрэнки?

Терри уставился на нее. – Фрэнки де Леон. Львица. Королева без трона. Обольстительница, сердцеядка и моя любов-

ница. Фрэнки – это ты, бэби.

Фрэнки покачал головой. – Нет, это не я.

– Ну да, так и поверил, что не ты.

– Я не знаю своего имени. И я не женщина.

Терри фыркнул. – Не женщина? Тогда скажи мне, что болтается у тебя на груди. И чем таким прекрасным обволакивался мой член ночью?

Фрэнки проследил за глазами Терри. Он увидел свои пальцы, гладко выбритые ноги, пучок волос на лобке. Округлые бедра, гладкий живот. Выше висели два плотных шара. Тяжесть, ощущение чужого на своем теле. Грудь?

– Я не женщина, – повторил он.

Терри покачал головой и вернулся к подгоравшим яйцам. – Достаточно женщина, мне хватает.

– Нет, – заявил Фрэнки дрожащим, но уверенным голосом. – Я не женщина. Я мужчина.

Новорождённый

Память, как и другие функции мозга, подробнее всего изучалась в состояниях ее выпадения. Потеря памяти имеет несколько форм. Один из известных ученых, Сакс, описывает случай с мужчиной, у которого в результате драки развилась глубокая зрительная амнезия:

"Этот мужчина сразу ослеп, но не знал об этом. Он и выглядел слепым, но сам ни на что не жаловался. Подробный

опрос и тестирование показали, что у него не только "корковая" слепота. Дело в том, что этот человек потерял все визуальные представления и воспоминания о том, что когда-то видел и знал. Абсолютная потеря блока памяти – но человек этого не заметил, более того, он не знал, что значит "видеть", был не в состоянии не только описать что-либо зрительно, но всегда недоумевал, когда я произносил слова "смотреть", "свет". [О.У.Сакс, 1985 г.]

А.Лурия, известный русский невропатолог, описал форму амнезии страшнее этой. Его пациентом был человек с расщепленным сознанием, получивший ранение на войне. У него расстройство памяти являло собой крайнюю форму. Посудите сами:

"...Я не могу представить себе ни кошку, ни собаку, ни прочую тварь с тех пор, как получил ранение. Я видел их много, знал, каковы они собой, но после ранения не могу себе их вообразить. Я не могу себе представить, что такое муха или кошка. Я не знаю, какие у кошки лапы и уши. Я просто не могу это даже в уме себе нарисовать.

Я пытался вспомнить лица матери и сестер, но тщетно. Когда же я вернулся домой и увидел, я сразу их узнал, мою мать и сестер. Они радовались моему приезду, они обнимали меня и целовали. Но я не мог их целовать, потому что я забыл, как это делается.

Я понятия не имею, как изготавливается древесина, из чего ее делают. Все, чего я ни коснусь – загадка, тайна. Я не

могу решить смысловую задачу, что-то выделить, придумать новое. Я совершенно другой, полная противоположность тому, что было до ранения.

Я странный, какой-то болезненный, мне кажется, я младенец, новорожденный. Все, что я познал и испытал в жизни – забылось и стерлось из памяти. Все из-за проклятого ранения в голову. Мне приходится заново распознавать все, что я вижу каждый день. Когда я выхожу из больницы подышать свежим воздухом, побыть наедине с природой в тиши цветов, деревьев, озерков, меня беспокоит не только встреча с чем-то новым и непонятным, но главное, меня беспокоит моя беспомощность, беспомощность, не дающая вцепиться и осознать то, что я вижу." [А.Р.Лурия, 1972 г.]

Человек, страдающий подобной формой потери памяти, недееспособен. Механизм получения и обработки сенсорной информации не работает, нарушена воспроизводящая способность, поэтому интеллект практически отсутствует.

Существует другая форма амнезии, глубокая по своей сути, но с меньшим поражением познавательной способности. При этом интеллектуальная деятельность и поведение человека кажутся вполне нормальными. Речь идет о Корсаковском синдроме (или психозе). По времени он может быть ретроградный – когда пробел воспоминания предшествует наступлению психической болезни, и антероградный – когда больной не помнит того, что произошло и происходит после возникновения психического заболевания. Так проявля-

ется частичная амнезия. В большинстве случаев причиной Корсаковского синдрома является хронический алкоголизм. Больные, как правило, хорошо помнят события, происходившие до болезни, но новые впечатления моментально забывают: с кем только что вели беседу, что видели, что говорили, что ели. Они склонны рассказывать неправдоподобные истории о себе, подлинных же воспоминаний у них нет. Они фантазируют, порою до абсурда. Их остроумие и живость воображения могут обмануть собеседника, тот не заметит ничего необычного. Но оставшись наедине с собою, такой больной все забывает. Картинка вспыхнула и погасла, потому что внутренних корней у нее нет. В результате их жизнь – это истории, ими рассказанные, постоянно меняющиеся, в зависимости от степени психического расстройства, вызванного алкоголем.

Правда, неизвестно, был ли в практике С.С.Корсакова пациент, заявлявший о своей принадлежности к противоположному полу.

* * *

Терри подал яичницу, сел сам и стал есть. Фрэнки не шелохнулся. Время от времени Терри поглядывал на нее и мотал головой. Наконец не выдержал и показал вилкой на стул.

– Да сядь же.

Фрэнки нахмурился, сел. А когда сел, то вспомнил, что

надо есть. Взглянув на золотисто-коричневую корочку, почувствовал, что голоден как собака. И стал сгребать кашицеобразную яичницу себе в рот.

– Я еще хочу, – заявил он, закончив.

– Возьми в холодильнике.

– Я хочу такое же.

– Пожарь сама.

Фрэнки не двинулся с места.

– Ты что, забыла даже, как готовить? – спросил Терри, бросив на нее косой взгляд.

Фрэнки нахмурился, уловив в голосе насмешку. Наконец он встал и открыл холодильник. Там лежала зелень, открытая коробка молока, маргарин в фольге и всевозможные пластиковые упаковки. Все казалось незнакомым. Пока искал яйца, он начал мерзнуть. Холодный воздух струился по телу, соски огрубели, кожа на руках и груди стала "гусиной". Наконец он сообразил, что стоит голый и, повернувшись к Терри, спросил:

– Где моя одежда?

Терри недоуменно пожал плечами. – Где всегда.

А для Фрэнки "всегда" ничего не значило. Он вопросительно смотрел на Терри.

– В комнате, – ответил тот, махнув рукой. – Может, оденешься, пойдем куда-нибудь. Что скажешь?

Фрэнки повернулся и направился туда, откуда пришел. Но у первой же двери остановился и заглянул внутрь. Раковина,

унитаз и ванна. Унитаз напомнил о том, что есть и другие нужды, помимо приема пищи. Он вошел, закрыл за собой дверь. Подняв седушку, встал, ноги на ширине плеч, как это делают мужчины. И стал мочиться.

Струя не получалась. Лишь половина мочи попала в унитаз, а остальная, разливаясь веером по краям его и ногам, стекала ручейками на пол. Фрэнки недовольно нахмурился. Здесь было что-то не так, удивляли и бусинки, свисавшие с волос на лобке. Опять кошмар в голове. Он запаниковал. Дыхание резко участилось. В пальцах пощипывало, мышцы дергались. Воздуха не хватало, он дышал все чаще. В голове потемнело, комната завертелась перед глазами. Он упал на пол.

Минуты через две он пришел в себя и обнаружил, что лежит на полу, голый, весь в моче, гадкий. Попытался встать, как-то изловчился и влез в ванну, дрожащими пальцами задвинул занавеску с разводами плесени и пустил горячую воду. Не сразу, неохотно из душа полилась вода, с шумом окутывая ему спину. Фрэнки в блаженстве закатил глаза, на которые наворачивались слезы удовольствия, первого – с тех пор как он стал мужчиной.

Он долго мылся, пока не кончилась горячая вода, потом сухо обтерся и вылез из ванны. Над раковиной висело запотевшее зеркало. Фрэнки хотел было приступить к бритью, но решил, что сейчас самое время одеться. Намотав по-мужски полотенце на бедра, он вышел из ванны и направился в

комнату; он смутно ощущал, что ему надо туда, только там он сможет начать все заново, и это новое будет правильным. А сейчас раскалывается голова и время от времени к горлу подступает тошнота.

В спальне он сел на матрац, рядом на полу лежала куча мятой женской одежды и сумка, из которой торчало горлышко бутылки. Фрэнки схватил бутылку, отвинтил крышку и, не задумываясь, хлебнул. Внутри приятно обожгло. Он отхлебнул еще.

Вскоре исчезла головная боль, он почувствовал себя спокойнее, не так часто тошнило, он развязал полотенце и стал подыскивать себе одежду. У стены стоял комод, рядом шкаф – оттуда пахло чем-то сладким и сигаретами. Фрэнки прошелся по вешалкам: платья, жакетки, блузки, юбки; на полу: туфельки, сандалии с завязками; с крючков свисали шляпки – совершенно ничего, что можно надеть мужчине. Наконец в углу он обнаружил пиджак в елочку и брюки, из комода достал мужские трусы, мятую рубашку с воротником на пуговицах – сел на кровать и все это надел.

Трусы были окей, а вот все остальное – трудно сказать. Пиджак и рубашка висели как морские водоросли, а когда он встал, брюки свалились. Рассердившись, он стащил все с себя и уставился на шкаф и комод как на врагов. Спустя какое-то время снова принялся искать.

На самом дне ящика в шкафу он нашел изношенные джинсы. Отвороты уже пообтрепались, коленки порвались.

Зато было как раз. И даже то, что одежда мятая, казалось, ему шло. Подтянув джинсы к талии и застегнув молнию, Фрэнки впервые почувствовал: это то что надо. В другом ящике обнаружил выцветшую безрукавку с какой-то надписью и рисунком, что именно, не обратил внимания. Она висела свободно, мешком, скрывая неприятно женственные изгибы тела.

Он еще раз глотнул из почти пустой бутылки, удивляясь, откуда к этой пузатой у него такая страсть. Дрожь немного унялась, да и в голове стало яснее. Влив в горло последние капли, он бросил бутылку на матрац. Вот теперь, подкрепившись, он готов встретиться с тем человеком.

Человек по-прежнему сидел в кухне – ноги на столе, в руках газета. При появлении Фрэнки он скосил глаза.

– Ну что, тебе лучше?

Фрэнки уселся на стул – по-деловому, но с опаской. – Нам нужно поговорить.

– Я думал, ты терпеть не можешь эту рубашку.

Фрэнки опустил глаза. На рубашке человек в лодке удил рыбу. На скрытом под водой крючке сидела русалка, обвив крючок хвостом. Над головой рыбака висела фраза "Ушел ловить" с перечеркнутыми буквами и подписанными новыми, так что получилось: "Ушел любить". А под хвостом русалки в скобках другая фраза: "Если ловится всякая рыбка, значит – классная наживка." Какая наживка, непонятно: крючок совершенно чистый.

– А крючок-то пустой, – заметил Терри, ухмыляясь. – Заманивает то, что выбор безграничен... Ну конечно, это было еще до того как мы познакомились.

– Я не тот человек, за кого ты меня принимаешь.

Он широко улыбнулся. – Раньше ты носила в клетку, ты об этом?

– Я не Фрэнки, как ты меня все время называешь. Я вообще не женщина.

Терри погрозил пальцем. – Плохо начинаешь, Фрэнки.

– Я не Фрэнки. – Несмотря на алкоголь, или из-за алкоголя, Фрэнки разволновался и, облокотившись на стол, выкрикнул: – Я мужчина.

Терри вздрогнул: в голосе звучала угроза. Ему вдруг захотелось зарыться в газету, но он опасался, что это только разозлит Фрэнки. – Почему ты настаиваешь на том, чего никак не может быть? Это же ложь.

– Я настаиваю, потому что это правда. Со мной что-то произошло. Я только не знаю что, не знаю как это случилось. Я не помню ничего, что было со мной до этого утра.

– До этого утра ты напилась до чертиков, напилась так, что у тебя мозги съехали набекрень.

– Напилась?.. Фрэнки призадумался. – Я не помню, чтобы мне нравилось напиваться, – сказал он, силясь хоть что-нибудь вспомнить из прошлого. – Но только что... там... мне показалось... выпить – это так естественно, как бы само собой разумеется.

– Ты пьяница, бэби. Алкоголичка. У твоего тела одна только страсть – бутылка.

– Но это не мое тело. В нем кто-то еще живет... Она.

Терри хлопнул газетой по столу. – Какого черта, Фрэнки?
О чем это мы говорим?

– Я не знаю. Я... ты... это место. Я ничего не понимаю.

– Что еще скажешь?

– Это тело не мое...

– Ну конечно. Сразу же видно, что ты мужик.

У Фрэнки перекосилось лицо. – Ты смеешься надо мной, да?

– Мне совсем не смешно. Я сейчас зарыдаю. – И он при-
творно начал рвать на себе волосы. – Вообще-то разговорчик
у нас с тобой не фонтан.

– Это как ночной кошмар.

– О чем это ты говоришь, Фрэнки? Кошмар кончился, раз-
ве не так? Довольно с тебя, хватит, натерпелась.

– Я хочу, чтобы он прекратился.

– Тогда хватит меня дергать с этим дерьмом – кто ты, кто
ты. Если тебе нужно что-то вычеркнуть из жизни, свои при-
думки и вычеркивай, а не меня.

– Это совсем не придумки.

– Я – мужчина, – заявил Терри. – Что бы ты мне ни заго-
товила, я справлюсь.

Фрэнки помотал головой. – Я не понимаю, о чем ты?

Вдруг Терри вскочил, пнул стул и грохнул кулаком по сто-

лу. – Слушай меня, Фрэнки. Я говорю об уважении. Я не хочу, чтобы ты меня тыкала в это дерьмо, Фрэнки.

Казалось, он сейчас поднимет стол и швырнет куда-нибудь. Фрэнки съежился, и это его только разозлило. Терри бросил газету на пол, потом схватил тарелку и шваркнул о стену. Осколки рассыпались по полу, а Терри уже бежал к двери.

Фрэнки остался сидеть на стуле – испуганный и ничего не понимающий. Хлопнула дверь, он весь передернулся. Он ждал: может случиться что-нибудь еще. Но текли минуты, и ничего не происходило.

Постепенно до него дошло, что он один в квартире. У него вырвался облегченный вздох. Этот человек не понимает, что с ним происходит, и не хочет понять. То ли забавляется, то ли ненормальный. Настаивает на том, чего никак не может быть. Да пошел он...

Фрэнки сделал себе еще чашку кофе, достал яйцо из холодильника и поджарил. В ящичке нашел кусок хлеба, разрезал на два ломтика и положил между ними жареное яйцо. Он пытался сконцентрироваться на еде, это казалось ему и необходимым, и вполне безопасным занятием. Но вскоре вернулись мысли... вопросы...

Если бы только он мог понять, что случилось, тогда, возможно, все встало бы на свои места. Должна же быть причина. Если знать – какая, тогда можно найти выход.

Он зашел в ванную комнату взглянуть на себя. Пар давно

рассеялся, зеркало над раковиной стало чистым. Рот... как ворота. Он вздрогнул, ужаснулся от мысли, что сейчас увидит свое лицо. Оперся о дверь, собираясь с силами. Встряхнул головой и, вобрав воздух, подошел к зеркалу.

Лицо оказалось приятным. Лоб чуть покатый, длинные, до плеч, темные волосы, густые. Голубые глаза с сероватым оттенком, прямой нос, широкие губы – верхняя чуть нависает. В уголках рта морщинки смеха. Привлекательное лицо. Радует глаз. Но что-то здесь не так. Еще чья-то кожа поверх его. Щеки, челюсть, зубы. Незнакомка. Она моргала, когда он моргал, она хмурилась, когда он хмурился. Она следовала за ним повсюду, знала все его мысли. Невыносимое ощущение.

Фрэнки закрыл лицо и отвернулся. Где он? Что из себя представляет? Как обрести себя истинного?

Он посмотрел на себя еще раз. И девушка на него посмотрела. Тогда он вцепился в нее красными ногтями – нет, не своими, а ее ногтями. Царапал щеки, боль заставила остановиться. Глаза наполнились слезами, лицо исказилось.

И снова он закрылся ладонями, стараясь не разрыдаться. Когда посмотрел в зеркало, на него уставилось напряженное недоумевающее лицо. Зрачки расширенные. Маска страха.

Фрэнки отшатнулся. Он, как и прежде, ничего не понимал. Более того, угасала надежда... На глаза навернулись слезы. Он как раненое животное забился в угол и, раскачиваясь вперед-назад, зарыдал. Казалось, он в плену, в замкну-

том пространстве, откуда нет выхода.

Рыдал долго. После проливных слез туман в голове стал понемногу рассеиваться. Появились мысли – простые фразы. Их получилось несколько.

1. Я мужчина. Мне это известно.

2. У меня лицо и тело женщины.

3. Я не знаю, как меня зовут. Я не знаю, где я живу и каков я собой (при этой мысли дыхание участилось, и потребовалось время, чтобы успокоиться).

4. Я совсем не помню, что было до этого утра. Тот человек сказал, что я потерял сознание. Так ли это? Да и вообще – кто он?

5. У этого тела есть имя – Фрэнки. Какое она имеет отношение ко мне? Она вселилась в мое тело, как я в ее?

6. Почему это случилось? Чьей жертвой я стал? И как это произошло?

Последние вопросы побуждали что-то сделать. Ответы сами собой не возникали, вместо них воображение создало нечто таинственное, маячившее впереди, как гримаса клоуна. Фрэнки отправился исследовать местность. Может, удастся найти что-нибудь существенное до возвращения того человека.

В спальне на полу он наткнулся на бутылку "Джека Дэниэлса" и подобрал ее. Она была пустая. Алкоголь, подумал он. Окей. Вытянул руки – они не тряслись. Может, единственное, что ему нужно было, это хорошо поплакать. Мысль по-

казалась смешной. Он огляделся.

Большую часть комнаты занимал матрас, в ногах стоял телевизор, наверху – радиочасы. На окне висели выцветшие занавески. Мебель в комнате – черный комод, с одной стороны краска облупилась из-за нагрева от батареи, обнажив старую светло-зеленую. Рядом – шкаф с дамскими костюмами на вешалках, столь же противными, как лицо в зеркале. Фрэнки закрыл дверцу и подошел к окну. Ему пришлось встать на матрас, чтобы раздвинуть занавески.

Снаружи вверх и вниз тянулась металлическая лестница. На противоположной стороне улицы стоял потемневший от времени высокий кирпичный дом. Сквозь грязные стекла едва можно было разглядеть обитателей – все как будто женщины. Они сидели за машинками и шили. Одна из них взглянула на Фрэнки. Голова повязана шарфом, лицо немолодое. На какое-то мгновение их глаза встретились, и Фрэнки запаниковал, он быстро сдвинул шторы и, попятившись, вышел из комнаты.

В коридоре лежали учебники по медицине, научные книги, любовные романы, политика. На титуле медицинских книг стояла именная печать: "Терри Коннор". Кто это? Человек, сидевший в кухне?.. Он врач? Непохоже. Некоторые места помечены желтым фломастером. Одна книжка по квантовой механике, другая – физика твердых тел, третья – солидное издание о растениях юга новой Англии.

Фрэнки силился понять, какие книги принадлежат ему.

Рассматривал обложки любовных романов: сильно волосатые мужчины, вцепившиеся в пышных дамочек с тонюсенькими талиями. Все казалось незнакомым. Он быстро пробежался по странице, где лежала закладка: женщина флиртует с мужчиной, тот пожирает ее глазами, мысленно раздев догола. Здесь ничего нельзя было узнать о себе, и Фрэнки разочарованно захлопнул книгу.

Еле передвигая ноги, он поплелся в другую комнату. В голове было пусто. Ему не хотелось ничего знать об этой женщине. Мерзавка. Украла у него ум и память. Он доберется до нее, и тогда она заплатит сполна.

Гостиная. Все богатство квартиры сконцентрировалось здесь. Мягкое зеленое кресло, пообтрепавшаяся коричневая софа с широкими подлокотниками. Над софой плакат – изображение Президента с ракетной установкой вместо головы. Напротив – встроенный шкаф со стеклянными дверцами, ниже – подставка со стерео. На полу два усилителя, между ними множество пластинок: джаз, рок, индастриал, ритмы и блюзы – но, как и книги, ни о чем новом они не говорили. В коробке несколько кассет, большинство с наклейками. Фрэнки машинально схватил ту, что была без наклейки, и вставил в магнитофон. Сначала послышалось шипение, на заднем плане кто-то хохотал. Вскоре заговорил мужской голос:

"Я Терри Коннор, мне велели сказать о любви. Моя повелительница – львица, что лежит в обнаженном величии ря-

дом со мною. Она великолепна. Наверное, она жаждет послушать, как я ею восхищаюсь". Потом Фрэнки услышал глубокий вдох и громкий выдох, имитирующий львиный рык.

Сижу ли, лежу ли —

Я люблю тебя.

Взбираюсь ли на гору,

Плыву ль по реке —

Я всегда с тобою,

Я люблю тебя.

Из двух вишенок улыбка,

Ягодиц смородиновое желе,

Бедра — сейчас, немедленно

В пищу пещерному человеку.

Трах, трах, трах —

Слова непристойные,

Раскачались в движении знойном.

Я люблю тебя, моя львица,

Я хочу вгрызаться в тебя,

Глубоко проникая...

— Давай сюда, — вдруг врезался женский голос. На кассете затрещало.

— Я еще не закончил.

— Хватит уже. — К треску добавился хохот.

— А сейчас говорит львица, — зазвучал женский голос в полную силу. — Ее рассказ о себе. Она в джунглях. Она гордая. За ней гонятся мужчины. Она...

– Какие мужчины? Ты моя, Фрэнки де Леон.

– Подойди сюда.

Опять потрескивание в магнитофоне.

– Ну, иди же сюда.

Тишина, потом опять треск. Частые дыхания, едва слышная дробь, похоже, барабана из глубины спальни.

– Тебе так хорошо?

– Да, попробуй еще чуть ниже.

Трение, звуки передвигаемых галек в воде.

– Не надо. – Наступила пауза, а потом раздался громкий треск. Далекие обрывки голосов...

– ...Сюда. Да. Хорошо. Терри. Да...

Дальше кассета просто шипела. Никакой записи. Фрэнки наконец протянул руку и выключил. Он уже слышал голос этой женщины, вероятно, она тоже здесь живет. Фрэнки впервые почувствовал стыд. Тот человек обладал ее телом. Она пропала, как и он. Это убийство. Двойное.

Что необходимо сделать – найти их обоих. Его и девчонку. Задать вопросы, выяснить эту связь. Он нахмурился. Какую девчонку? Какую связь? Все это абсурд...

Фрэнки оборвал свой поток мыслей. Спокойствие...

Очень хотелось выпить. Фрэнки обыскал всю квартиру, в том числе спальню, но ничего не нашел. Порою ему хотелось кричать, но от страха и чувства обреченности он молчал. Рассматривал телефон, приткнувшийся камнем на полу в гостиной – молчаливый свидетель его помешательства и оди-

ночества. Он ничего не помнил – ни имен, кому можно позвонить, ни телефонов. Эти ворота, как, впрочем, и другие, для него закрыты. Он вернулся в свой угол, там были стены, определенность границ, хоть что-то прочное. Притулился на корточках, несчастный, одинокий и всеми забытый...

Вдруг зазвонил телефон.

Фрэнки от неожиданности весь содрогнулся. Телефон прозвонил снова. Фрэнки не решался ответить. Три... четыре... пять... На восьмом звонке он как бы очнулся и торопливо схватил трубку.

– Алло? – прозвучало в трубке. – Фрэнки, это ты? – Голос был незнакомый, женский. – Алло? Это 555-5217?

Фрэнки взглянул на номер на пластинке и кивнул.

– Извините. Я, должно быть, ошиблась номером.

– Подождите...

– Фрэнки?

– Кто это говорит?

– Это твоя мать. Что-нибудь случилось?

– Моя мать?

– Да. Что, в это так уж трудно поверить?

– Мать?

– Тебя так плохо слышно. Говори в трубку.

Он прижал трубку к губам.

– Скажи, что случилось? – настаивал голос. – Ну скажи же.

Ему нечего было ответить.

– Ты что, накачалась наркотиков, Франческа? Скажи, что нет.

– Нет.

– А где этот парень? Терри. Он там? Вы поссорились?

– Он ушел.

Наступила пауза. Напряженный Фрэнки не клал трубку, желая узнать, что последует дальше.

– Ты мне ничего не рассказываешь.

– Я мало знаю.

– Ну, это другое дело.

Фрэнки кивнул, удивляясь пониманию этой женщины.

– Я говорю о семье, Франческа. Ты изволишь шутить. А мне не до шуток.

– И мне тоже.

– Я рада это слышать. Я приеду через неделю. Девятнадцатого, во вторник. Надеюсь, увидимся.

– Скажи, как ты выглядишь?

На том конце провода холодно молчали. – Да разразит меня Бог, но я не могу ждать, когда ты состаришься. Не все ж персики со сливками. Стараюсь выглядеть красивой, и в этом нет ничего зазорного.

Фрэнки хотел еще поспрашивать, но не стал: женщина, вероятно, и так уже сходит с ума.

– Мне нужно будет походить по магазинам, – сообщила женщина. – Вернусь разве что к полудню.

– Вернешься куда?

– Домой, куда же еще?

Фрэнки раздумывал. Женщина говорила так уверенно... –

Может, встретимся.

– Я буду у ресторана "Редженси". Часов так около двенадцати?

– Чувствую, тебе хочется мне что-то сказать. А вдруг ты и сможешь мне помочь...

– Ну конечно. – Послышалось шуршание бумаги, потом шелест – перелистывалась записная книжка. – Та-а-к, девятнадцатое, вторник... так я сказала?

– Вторник?

– И постарайся хорошо выглядеть, дорогая.

– Тебе известно, как я выгляжу?

– Я знаю, как ты можешь выглядеть. Ты всегда была красивой, Франческа. Очень красивой.

Неожиданно Фрэнки засомневался. Он опять в ловушке: о нем все все знают и как-то рассчитывают на него, а он о них ничего не знает. Им он понятен; а себе – нет.

– Ну, так наденешь на себя что-нибудь?

Фрэнки пытался уклониться от встречи, но женщина сама вдруг прервала беседу.

– Мне нужно бежать, дорогая, – она чмокнула в трубку. – Люблю тебя.

Связь прервалась.

Фрэнки долго смотрел на телефон, пока голос оператора не попросил положить трубку. Опять он чувствовал себя на-

секомым в тенетах паука или пришпиленным булавкой на доску коллекционера, а вокруг собрались любопытные, они шепчутся, трогают руками. Закричать бы сейчас...

В горле пересохло.

Ему необходима помощь.

Друг.

Больше всего на свете он хотел уснуть и очнуться нормальным человеком.

Глава 4

Терри вернулся домой к полудню, в руке длинный цветок в обертке из зеленой папиросной бумаги. Войдя, позвал Фрэнки. Скинул пиджак в пустой спальне и направился по коридору.

Фрэнки спал на софе, по-прежнему в рваных джинсах и рубашке с русалкой. На лице – лучи закатного солнца. Терри не переставал удивляться, сколь тихая она во сне. В эти минуты он ее особенно любил. Фрэнки походила на ребенка из сказки. Как женщину он ее тоже любил, хотя здесь все было не так просто. Он прошел в кухню, развернул бумагу и сунул цветок в банку. Включил кран набрать воды – сразу застонали трубы. Фрэнки проснулся.

– Кто там?

Терри вышел из кухни с цветком. – Фрэнки, это тебе.

Фрэнки сел, продирая сонные глаза. – Я так крепко спал.

– Это гладиолус, – многозначительно молвил Терри. – Я хочу помириться с тобой.

Фрэнки вертел в пальцах толстый стебель, собираясь с мыслями. – Терри, – начал он, но слова застревали. Назвать мужчину по имени значило признать между ними связь. Он молчал. Потом попытался снова: – Мне нужна твоя помощь.

Терри тотчас подошел к софе и, встав на колени, стиснул руки Фрэнки своими. – Мы единое целое, бэби. Я сделаю

все, что нужно для нас.

Фрэнки одеревенел от прикосновения и едва мог что-либо произнести. Осторожно, чтобы не разозлить этого человека, он убрал свои руки. – Мне необходимо поговорить откровенно. Я не знаю, к кому еще обратиться.

– Тебе никуда не нужно обращаться, Фрэнки. Мы победим вместе. Только так. Уж я-то смогу тебя понять...

Это встревожило Фрэнки. Снова он почувствовал: кто-то имеет на него виды. Интересно, этот человек всегда так обнадеживает?

– Тебе это не понравится. Это сведет тебя с ума.

– Ну что ж, с ума так с ума. Любовь разве не сумасшествие. Я разозлился, потому что ты мне не безразлична. – Терри положил руку на бедро Фрэнки. Фрэнки, вне себя от прикосновения, вскочил и перешел на другую сторону комнаты. Он пытался сохранять спокойствие.

– Я потерял себя, Терри. Это правда. Этот дом не мой, ты мне не любовник, и эти штаны, хоть и впору, тоже не мои. Тело чужое, принадлежит Фрэнки де Леон. Я не знаю почему и как это случилось, произошло что-то ужасное. – Он отчаянно размахивал руками. – Из всего, что окружает меня, ничего не чувствую. Ничего. Мне нужна помощь. Скажи, Терри, что случилось?

– Ты сбрендила, вот что случилось. Как ты можешь быть не Фрэнки? Посмотри на себя в зеркало.

– Я смотрел. Это лицо чужое. Это тело... – Он схватил

свои груди – резко, чуть не отрывая. – Оно не мое. Я никогда не был женщиной. Я знаю это. А в душе я мужчина.

– С ума сойти! Раз ты так уверена, назови свое имя. Сколько тебе лет? Скажи, где ты живешь?

– Я не знаю, я не помню.

– У тебя амнезия, Фрэнки. Ночью ты напилась как свинья, и теперь вот ничего не помнишь. Так бывает. Но это совсем не значит, что ты теперь не ты.

– Я это я. Но вот это – НЕ я. – Он шлепнул себя по груди. – И это НЕ я. – Он смял щеки ладонями, лицо стало неузнаваемым. – Я НЕ женщина. Ни эта, ни какая-нибудь еще.

– Откуда в тебе такая уверенность?

– Я чувствую это, но объяснить не могу. А как другие знают?

– Очень просто. – Терри схватил себя в промежности. – У меня здесь кое-что тяжелое есть. Поэтому я никогда не сомневаюсь.

Наступила очередь Фрэнки показывать. Он схватил себя в промежности, но вместо увесистой шишки нащупал гладкий лобок и щель между ног. От разочарования в глазах потемнело.

Терри смотрел на Фрэнки с видом превосходства. Потом поднялся с софы и принялся расстегивать ремень. – Этот Мистер живет здесь, Фрэнки. Скромный, но не боязливый. – Он сбросил штаны и жестом предложил Фрэнки сделать то же. Фрэнки замотал головой.

Довольный собою, Терри приспустил трусы. Он стоял, широко расставив ноги, трусы – на волосатых бедрах, брюки – у самых щиколоток. И руки по-хозяйски скрещены на груди.

– Пудинг готов к поеданию, – провокационно заявил Терри.

Фрэнки мазнул глазами по выставленному напоказ Мистеру. – Не смейся. Прикройся лучше.

– Ты хотела получить доказательства.

– Я хотел получить помощь.

– Ну пожалуйста. Угощайся.

– Оденься, не стой так.

Терри оделся. Сейчас он не чувствовал себя победителем, так как не смог повлиять на Фрэнки. Откуда у нее эта идея – что она мужчина? Интересно, что все это значит?

– Если ты так уверена, что ты мужчина, докажи это.

– Какое доказательство тебя устроит?

– А какое ты можешь мне преподнести?

Фрэнки размышлял. Он пытался вспомнить, что мужчины делали вместе, как они узнавали, что находятся среди своих. Есть какая-то шутка, известная всем? Секрет? Или обряд? Он не мог вспомнить.

– У меня нет доказательств. Только мое слово.

Терри внимательно разглядывал Фрэнки. – Твое слово не потрогаешь. Черт! А как бы ты себя чувствовала, окажись на моем месте?

– Я бы хотел. Но лучше не быть на твоём месте.

Терри кинул во Фрэнки башмак. Но Фрэнки было не до игр.

– Ну же, Фрэнки. Где твоё чувство юмора? Ты же сама знаешь, что все это смешно.

– Только не мне. Мне нужна помощь, а не шутки. Ты не веришь мне. Ну хорошо. Ты не хочешь мне помочь. Так я найду что-нибудь другое.

– И кто будет этот другой?

– Не знаю. Посмотрим. Не думаю, что придется долго искать.

Терри задумался. Он вернулся к софе, сел, пробежался пальцами по волосам. В голове вертелось несколько мыслей.

1. Фрэнки сбрендил. Её нужно госпитализировать. Возможно, понадобятся лекарства.

2. Она притворяется. У неё есть другой любовник. Не хочет признаться, поэтому несет всякую чушь.

3. Она лесбиянка.

4. Она проверяет мою любовь к ней, как далеко сможет зайти и как далеко я последую за ней.

Второй пункт самый простой. Он может обвинить её, рассердиться, почувствовать себя униженным. Но Фрэнки не способна обманывать, к тому же ослабление её привязанности и желания ко мне не наблюдались до сегодняшнего утра. Четвёртый пункт больше подходит к ситуации. Но все-таки, надо посмотреть в учебниках по медицине, может, там есть

описание подобного случая. Но в этом ли сейчас проблема? Вопрос не в том, насколько ее нелепое заявление соотносится с правдой, а в том, сможет ли он ее удержать, чтобы она не ушла.

– К черту! – воскликнул он. – Ты предлагаешь свою игру. Что ж, давай так.

– Ты не сможешь?

– Помогу.

Внутри у Фрэнки потеплело. – Когда начнем?

– Думаю, мы уже начали.

– Да? – Фрэнки кивнул. – Когда ты чувствуешь себя счастливым, Терри, или не столь несчастным, что ты делаешь, чтобы отпраздновать событие?

* * *

Фрэнки понятия не имел, что у Терри на уме. Но почувствовал огромное облегчение, почувствовал в нем друга. Правда, он не мог придумать ничего более дружеского, чем мужское пожатие руки. Вместо плоти Терри предложил шампанское. И Фрэнки с удовольствием согласился.

Терри вышел купить "Колд Дак", быстро вернулся с двумя бутылками и пакетом чипсов. С шумом вылетела пластиковая пробка. Фрэнки, как обычно, слизывала языком капли с края бокала, как бы боясь с ними расстаться. Терри всегда дразнил ее за это, считал неразумным так экономить и по-

этому не понимал. Но сейчас он ее не мучил, просто отметил про себя, оставив возможные ухмылки на потом. Сам он просто пил и на протяжении двух третей бутылки расспрашивал, что именно Фрэнки намерена делать.

– Я не знаю... Давай начнем с того, что ты расскажешь мне о Фрэнки де Леон. Может, что-то по ходу выяснится.

– Что же рассказывать-то? Она моя любовница.

– Чем она занимается?

– Ты имеешь в виду ее работу? Она танцовщица. – Кажется странным разговаривать вот так лицом к лицу с ней, но как будто не о ней. Терри мысленно напомнил себе, что это всего лишь игра. – Она работает... точнее работала... в баре "Вирго". Она танцует там.

– В баре?

– Это ночное заведение. Там обслуживают девушки с обнаженным верхом. – Он выпил залпом бокал шампанского и всем телом подался вперед. – Ты не помнишь этого, Фрэнки? В самом деле?

Фрэнки отрицательно помотал головой.

Терри легонько рыгнул. – Тогда давай напьемся. – Он наполнил обоим бокалы. – Может, когда мы проснемся, все станет на свои места.

– Я так на это надеюсь.

Терри поднял стакан в тосте. – За надежду, Фрэнки.

– Расскажи мне, что случилось прошлой ночью. Ты говорил, она потеряла сознание или что-то в этом роде.

– Она сильно напилась. Шлепнулась прямо на сцене. Мне пришлось ее унести.

– А что было до этого?

– Эта девушка – большая любительница выпить. Она заявляла, что это помогает работать. Получилось все очень странно. Она схватилась за уши, как будто от боли или еще чего... – Вспоминая, Терри весь дрожал. – В баре сидел мужчина, с ним что-то произошло. Он упал, потом упала она.

– А что произошло с тем мужчиной?

– Не знаю. Я тогда смотрел на девушку.

– А кто это был?

– Наверно, один из тех клоунов, которые занимаются она-низмом, рассматривая журналы с девками. Да откуда мне знать?

– Мне кажется, что я нахожусь в теле Фрэнки, а Фрэнки тогда должна быть в моем. Вот и вся причина.

– Причина? – Терри громко расхохотался. – Да что с этой причиной-то делать?

– Ничего не сделаешь, – согласился Фрэнки.

– Совсем ничего. – Терри облизнул губы. – Наконец-то я напился.

– Мы должны найти этого человека.

– Какого?.. Да никто же ничего не знает об этом хрене.

– У тебя есть идея получше?

– Ну конечно. Мы отправим тебя к врачу. Чтобы ты поняла, какая существует разница между писькой и членом. –

И он сдавленно засмеялся, разбрызгивая слюну на подбородок. Холодный оклик Фрэнки заставил его прикрыть рот рукой, но смех продолжался. – Ну же, Фрэнки... Посмейся и ты. Ситуация, знаешь ли...

– Очень жаль, Терри, что мы не можем поменяться местами. Я бы тогда посмеялся...

– Будь я проклят, если я тебя не люблю.

– Ты думаешь, я с ума сошел, так ведь? – Он скользил взглядом по софе, пока не встретился глазами с Терри. Накрыл ладонью его подбородок и сильно сдавил, так, что щеки ввалились. – Я с ума не сошел, Терри. Пойми это наконец. – Еще сильнее сжал подбородок. Терри взвизгнул. – Нет, Терри, я не сбрендил. Помни это. Хорошо помни. – Он отпустил Терри и сел как раньше.

Терри уставился на Фрэнки, ошеломленный. – Этого больше не делай, – предупредил он.

– А ты не вынуждай.

– Слушай, я в эти игры тоже умею играть.

Голос его прозвучал с такой угрозой, что Фрэнки испуганно поджал ноги.

– Давай попробуем, может, найдем того мужчину.

– А я говорю, следи за своими манерами.

Фрэнки сидел, судорожно сжавшийся. Вдруг Терри расхохотался.

– Черт, я тоже сбрендил. Да ты это знаешь. Фрэнки, тебе не нужен тот тип. Твой мужчина – Терри – рядом с тобой.

– Понимаю... Ну так что, отправляемся прямо сейчас?

– Послушай, бэби. Этого человека там давно нет. Он лишь заходил в бар. И от него ни следа не осталось.

– Ну конечно. А Фрэнки была лишь девушкой.

Это взбесило Терри. – К черту шампанское! – бросил он, утирая слезы. – Ну хорошо. Тебе нужен этот мужик? А как мы его найдем? Мы не знаем, как его зовут, где он живет, даже как он выглядит. Нью-Йорк – город большой.

– Начнем с бара. Выясним, может, кто-нибудь обратил внимание.

– Кокс был слишком занят. Может, Тед знает.

– Кто этот Тед?

– Бармен.

– Вот и хорошо. Начнем с Теда.

Терри эта идея не увлекла.

– У тебя что, сложности на сей счет?

– Нет, нет, никаких сложностей.

– Перестань дурачить меня. Если не нравится, так и скажи.

Фрэнки редко когда ругалась, так что сейчас Терри удивился. К нему она особых чувств не проявляла, привязанность и только. – И о чем же ты собираешься с ним говорить?

– Я скажу ему правду.

– Bravo, Фрэнки. Делай, что хочешь. Но не забывай, никто тебя не поймет как я.

– Какой ты скромный...

– Правда, я пытаюсь тебе помочь.

Фрэнки задумался. – Ну хорошо. Возможно, ты прав. Лично мне будет тяжело снова пройти через все это. Может, займешься ты?

– И что я скажу?

– Уверен, ты найдешь что сказать.

Терри заулыбался. – Ты даешь мне право рассказывать всякие истории о тебе?..

Фрэнки было не до шуток. – Послушай. Я тебя здесь не держу. Только то, что ты рассказал, я и знаю о себе, и...

– Что было, я и пересказал, – проворчал Терри.

– Ну, пойдешь?

– Да... Я же обещал помочь.

– Когда сможешь?

– Сегодня, наверное. После работы. – Он взглянул на часы. – Н-да.

Терри вышел из комнаты и вскоре вернулся с чистой рубашкой. Он быстро свернул себе сигарету с марихуаной, травка у него хранилась в ящичке из-под сигар в шкафу. Сунул в нагрудный карман, застегнул рубашку и машинально склонился поцеловать Фрэнки. Фрэнки увернулся, Терри ткнулся в воздух. Момент был не из приятных.

– Чудненько, – пробормотал он, с трудом восстановив равновесие и покидая комнату. В дверях обернулся, горько ухмыльнулся и вышел.

Снова Фрэнки погрузился в одиночество. От первой бу-

тылки в голове едва позванивало. Он взял вторую, сунул между ног и стал вытаскивать тугую пробку большими пальцами. Она шлепнулась о потолок, и тотчас Фрэнки сунул горлышко в рот, торопливо сглатывая пенистую массу. Но не успевал, а живот быстро вспучивался от шампанского. Наконец он почувствовал свечение. Слабое, но как будто разгорались тлеющие угли пригасшего бывшего огня. Сердце колотилось все быстрее. Безумные мысли растаяли в тумане. Какой-то сторожевой центр подсказывал, что напиваться сейчас не в его интересах. Нужно быть всегда начеку. А другой голос говорил – чего уж там, гулять так гулять. Как и раньше, от опьянения в мозгу Фрэнки стали возникать смутные картины. Лодка на воде, в ней его секрет... Фрэнки подплывает к ней, протягивает руку... но лодка медленно удаляется.

Двадцать третья пара

Двадцать третья пара хромосом человека, определяет, кем станет развивающийся зародыш, мужчиной или женщиной. Женскую особь «творят» две Х хромосомы, мужскую – одна Х и одна Y хромосома. Хромосома Х большая, она содержит в три раза больше информации, чем любая другая. Хромосома Y меньше ее почти в два раза.

В первые месяцы жизни половая принадлежность эмбриона неразличима. Он может быть как мужским, так и женским. На шестой неделе ген Y хромосомы начинает прояв-

лять себя, в результате чего фетальные гонады постепенно дифференцируются в яичники. Вскоре второй ген начинает стимулировать яички к продуцированию мужских гормонов. Почти все клетки у мужчин несут след второго гена и почти все несут следы воздействия мужских гормонов.

В случае отсутствия Y хромосомы и ее гена, ответственного за возникновение яичек, зародыш развивается по женскому типу. Гонады дифференцируются в яичники, и они впоследствии вырабатывают женские гормоны. Омывая все клетки зародыша, эти гормоны оказывают соответствующее глубокое воздействие.

Некоторые участки мозга у нормальных крыс имеют заметные половые различия. Плотность клеток, форма дендритов, синаптические особенности у мужской особи отличаются от женской. Если крысам поднести два водных раствора, один чистый, другой с содержанием сахарина, женская особь всегда выберет последний, а мужская предпочтет первый. Женским особям шимпанзе во время внутриутробного развития вводили мужские гормоны: после рождения поведение этих особей было во многом не таким, как у тех самок, кто мужских гормонов не получал. Они были инициативнее, грубее, чаще рычали, и огрызались.

Половые различия в человеческом мозге тоже присутствуют, но, в результате долгого эволюционного развития, они не столь явственны. Человек наделен речью, умеет планировать свои действия. Сознание, подсознание. Искусство, наука, ре-

лигия. Хотя и видна разница между мужчиной и женщиной, и мы говорим, что мы разные – тем не менее, мы одинаковы.

Разные? Да. Структура определяет функцию. Одинаковые?

Не так давно обнаружилось, что у некоторых мужчин с нормальной мужской внешностью был женский генетический код XX, и наоборот, у женщин с нормальной женской внешностью был мужской генетический код XY. В клетках первых не имелось типичного мужского маркера, а в клетках вторых он как раз имелся. Получалось, что внутренняя среда и тех и других особей находилась в противоречии с внешностью. В поведении таких людей отмечалось много необычного.

К сожалению, фактов по этой проблеме пока еще мало.

Глава 5

Терри сел в метро на станции «Спринг», Лексингтонская линия, и сразу уснул. Чуть не пропустил свою остановку. Проснувшись, вскочил и одурело понесся вверх по ступенькам. На Четырнадцатой улице забежал в корейское кафе, спешно хлебнул кофе и обжегся. Он опаздывал на пятнадцать минут, а когда добрался до «Сутера», получалось уже двадцать.

Бренда, как и следовало ожидать, сидела у кассы. С ушей свисают серьги-кольца, на голове пестрый шарф, а губы накрашены розовой помадой. Вчера на ней была хлопковая блуза с высоким воротником и фальшивые жемчуга. Придать себе женственности, так она это называла.

– Пинкетт знает, что я опоздал?

Она мотнула головой в сторону кабинета в глубине магазина. – Он заперся у себя с новенькой. Молоденькая, только что после школы. Вот у него и потекли слюнки.

– Это о ней еще ничего не говорит.

– Н-да, конечно. Разве только то, что наш мистер П. жеребец. – Бренда обслужила клиента. – Ну, что скажешь о себе?

– Бывали деньки и получше.

– Рассказывай... А я вот подумываю удалиться на гору, хочу стать монашкой.

– Ты в самом деле хочешь?..

– Почему бы и нет. Безбрачие всегда в моде.

– Я имею в виду тебя лично.

– У церкви уж найдется местечко для паршивой овечки.

– Я, кажется, понимаю, что ты имела в виду, упоминая о горе. Это где-то очень высоко и далеко...

– Да, там недорогая жизнь. Ничего лишнего.

– Ну да, конечно. Женщины там как женщины, а мужчины как мужчины. Так?

– Что-то сомневаюсь я.

– Может, спросить в дорожном агентстве?

– Эй, Терри, ты можешь мне одолжить пять долларов?

– Нет проблем. – Он дал ей десять.

– Это многовато.

Он махнул рукой. – Оставь себе. Купи что-нибудь симпатичное для Ронды.

Она хотела что-то ответить, но передумала. – Забудь. Тебе не нужно об этом знать.

Он поверил на слово и стал спускаться в подвал, удивляясь – что это вдруг с Брендой. Вся какая-то неловкая до смешного. Вряд ли она решилась наконец. Но ведь никогда не знаешь точно. Что-то происходит вокруг. Люди меняются прямо на глазах.

Сэл, как всегда сидел за конторкой, занятый минивидео-игрой. Нынешнюю звали "Громила", но у всех игр суть одна и та же – чувственные восприятия идут прямо в подкорковые центры удовольствия. Сэл – наркоман и игрок что надо.

Терри сам видел, как тот доходил до двух тысяч очков с закрытыми глазами, лишь по звукам прослеживая передвижения фигур на дисплее. Он умел играть, глядя в пол и даже разговаривая с покупателем. В общем-то, кретин, тупоголовый, с расщепленными мозгами. Но Терри он нравился.

– Извини, я опоздал. – Он бросил пиджак на полку за конторкой, осторожно, чтобы не толкнуть Сэла. – Как успехи?

– Три тысячи двести шестьдесят. Шестьдесят один... два...

– Сегодня все как обычно?

– Приходили люди, смотрели книжки, покупали, уходили.

– Без происшествий?

– Я поел, понюхал кокаинчику. Ты опоздал.

– Ты стал совсем как машина, Сэл.

Тот улыбнулся. – Это случилось давно. Я существо высококоразвитое.

– У тебя мозги размером с жетон.

– Три тысячи триста двадцать восемь... двадцать девять...

– Сэл, отправляйся домой. Здесь нам не место вдвоем.

Сэл кивнул, схватил пиджак, не теряя ритма. – Хочешь, оставлю тебе эту игрушку?

– А как же ты доберешься до дому?

– У меня в кармане еще есть.

Терри помотал головой. – Ты мне не по зубам, Сальваторе... Ну так и быть, оставь.

Сэл протянул Терри игру. – Держи. Можешь продолжать.

– Не надо, – крикнул Терри, но было поздно. Он завозил-

ся с кнопками и в считанные секунды игра закончилась. Он бросил на Сэла недовольный взгляд. – Зря ты так.

– Не принимай слишком всерьез. – Сэл улыбался. – Это всего лишь игра.

– Ты знаешь, о чем я. По-твоему, раз уж ты такой мастак, так нужно ткнуть мне этим в нос.

– Зачем это мне?

– А просто доказать, что ты лучше.

– Я и так лучше.

– Н-да. – Терри отбросил игру. – Забирай свою штуку.

– Ты злишься?

– Ничего, переживу.

– Может, попробуешь еще?

– Пошел вон, Сэл. Уходи!

Сэл ушел. А Терри отправился в хранилище курнуть самокрутку с марихуаной. Когда вышел, чувствовал себя уже лучше. Чтобы убить время, достал с полки "Атлас Гранта". Листал страницы с подробными изображениями костей, кровеносных сосудов, органов. И душу Терри заполнила знакомая тоска. С самого детства его увлекало человеческое тело – удивительное творение природы, некое таинство. В восемь лет его главным сокровищем был муляж человека с раскрашенными органами, он любил их перемешивать, а потом, как составные картинки, устанавливать на свои места. Позже он достал полусломанный микроскоп, рассматривал в него всевозможных насекомых, листья, капельки крови и кусоч-

ки ткани. Героем его детства был доктор, который знал намного больше, чем родители Терри. Иногда он притворялся больным и ждал визита доктора. В шестнадцать лет нашел работу – мыть трубки для анализов, в семнадцать поступил в колледж, а позже – в медицинский институт. Учиться там долго не пришлось. Из-за проделки с баллоном, так он думал и сейчас. Вспоминать об этом было неприятно.

– Извините, – обратились к Терри.

Терри испуганно воззрился на незнакомку, стоявшую перед конторкой – в мрачном костюме, черных перчатках и вуали, свисавшей со шляпки с узкими полями. Молодые глаза, но пятна на коже говорили, что жизнь прожита немалая.

– Я ищу книгу, – молвила она и умолкла, скосившись на Терри. – Вы разве не тот молодой человек, кто помог мне раньше?

– Когда раньше?

– Та книжка с рисунками – старинные гравюры, инталии с изображением человеческого тела. Разве это были не вы?

Терри порылся в памяти и действительно вспомнил. Да, эта женщина приходила неделю или две назад. Тогда она, казалось, вот-вот расплачется, настолько беспомощной себя вела. А сейчас совсем другая.

– "Дюрер", это очень хорошая книга.

– Но сегодня мне нужна другая. – Женщина вытащила из сумки лист бумаги. – Неврология, – прочитала она. – У вас есть что-нибудь об этом?

– У нас много книг по этой теме.

– Что вы можете порекомендовать?

– Это зависит от того, что вам нужно: клиническая невропатология, нейробиология, нейроэндокринология, нейрохирургия... – Он остановился. – Этот список можно продолжить...

– Мне что-нибудь из основ, – сказала она, не испугавшись незнакомых слов. – Что-нибудь для разумной публики.

– Разумной публики?.. – повторил он, не понимая, что она имеет в виду. – Ну конечно.

Он повел ее в секцию невропатологии. На полках на уровне глаз стояли внушительные тома.

– Это вам подойдет, если я вас правильно понял.

– У меня очень личная проблема, – призналась женщина.

Терри пожал плечами и стал рассматривать книги. Было очень трудно выбрать, не зная сути дела. Наконец он остановился на одной – общего характера, потянул на себя и открыл любимым приемом – наугад. Не прошло и минуты, он увлекся содержанием.

Женщина прокашляла горло. – Может, мне лучше самой взглянуть?

Терри очнулся и подал ей книгу. Покупательница просмотрела, затем ее взгляд обратился к полке над головой, книги там были огромные. Терри хотел было достать что-нибудь, но ведь она хотела разобраться сама. Он повернул к ней голову, и в памяти всплыло воспоминание.

– У вас больной брат...

Женщина не ответила.

– У него кома или что-то в этом роде...

Едва слышное дыхание. – Врачи расходятся во мнениях, – медленно проговорила она. – Одни говорят кома, другие находят что-то иное. Ясно только одно, – в голосе появилось раздражение, – никто не хочет сказать точно.

– Когда-то с ним уже так случалось, да?

Лицо ее потемнело. Вид был совсем уставший. – Они говорят, случай необычный. Брат временами впадает в состояние, похожее на сон, он как бы спит. Все дело в том, что он не просыпается. Иногда ночью глаза под веками двигаются, будто у него сновидения. Так бывало еще в детстве... – Она умолкла, не в состоянии закончить мысль. – Это ведь не кома, если есть сны. Значит, мозг продолжает работать?...

– Да, конечно.

– Даже когда у него глаза открыты, он не разговаривает. Я не знаю, осознает ли он, что рядом кто-то есть. – Она покачала головой. – Периоды сна становятся длиннее и длиннее, ему все труднее открывать глаза.

Терри не знал, что ответить. Он коснулся ее плеча, на что та слабо улыбнулась.

– Извините. Я пришла сюда... и вот устраиваю сцены, хотя это ни к чему.

– Ну, никакая вовсе не сцена.

– Мне все время кажется, я упустила что-то. Некий

ключ... Мне бы понять, и тогда мы проблему решим.

– Вы чувствуете себя ответственной.

– Я его сестра. Он не женат... Когда врачи разговаривают между собой, я пытаюсь вникнуть. Я хочу понимать больше, чем у меня получается сейчас.

– Вы и так знаете немало. – Терри увидел на полке книгу с тисненными буквами на черном корешке: – "Оцепенение и кома" – и вытащил ее.

– Вот, может, эта пригодится. Классический труд. – Потом он нашел маленький словарь медицинских терминов. – И словарик вам понадобится, если что-то вдруг не поймете.

– Да... слов здесь много, – глухим голосом произнесли она, перелистывая страницы.

У конторки женщина показала Терри кредитную карточку, а когда прощалась, сунула ему руку в перчатке, в ладони оказалась пятидолларовая банкнота.

– Спасибо за помощь, – шепнула она.

Он развернул купюру, несколько мгновений на нее смотрел и вернул обратно. – Я не могу принять ваши деньги.

– Ну пожалуйста, в знак моей признательности.

Он был непреклонен. Ей ничего не оставалось, как забрать бумажку.

– Вы меня как будто по щеке ударили, – заметила она, защелкивая сумочку.

– Да нет же. – Ему вдруг захотелось предложить ей номер своего телефона, на случай, если будет что-то непонятно. Но

он тут же осекся. Вокруг нее и так полно докторов. Настоящих.

Она ушла, он убрал книги и стал заниматься описью. Тихий вечер, но возвращаться к атласу он не спешил. Хватит. В конце рабочего дня Терри несколько раз затянулся марихуаной, сбрызнул холодной водой лицо в туалетной комнате и отправился в "Вирго". По дороге обдумывал, что сказать Теду и Коксу. Правду исключено. Он хотел вообще не упоминать Фрэнки, но не знал, как это сделать. Может, обратить все в шутку? Со стороны-то история покажется смешной и жалкой, как любая катастрофа.

К полуночи он добрался до бара, там было еще полно народу. Как обычно, музыка громкая, настойчивая. На сцене стройная крашеная блондинка – он не видел ее раньше. Двигалась она неуклюже, как жеребенок, в лице робость. Терри засомневался, что это настоящее выступление. Во всем была какая-то невинность, грусть и поэтому смотреть не хотелось. А мальчиков за стойкой бара, похоже, она очень даже захватывала: у девчонки из трусиков торчало много купюр.

Терри сел и сделал знак Теду. Через минуту бармен уже нес пиво.

– Привет, – поздоровался он, вытер стакан и поставил рядом с бутылкой. – Как Фрэнки?

– Пока не совсем в себе.

– Это не жизнь – девушке работать здесь. Вон, взгляни, – он дернул головой в сторону сцены. – Жанет или Джэнис, я

даже не знаю толком ее имя, ей еще нет девятнадцати. И что за жизнь? Скажу тебе честно, я счастлив, когда они уходят отсюда. Имеют постоянную работу и по вечерам сидят дома.

Терри налил пива, отхлебнул немного. – Тед, у тебя есть жена?

– Если бы у меня была жена, торчал бы я здесь? Я бы сидел дома и смотрел телевизор, а может уже и спал бы.

– А так вот приходится работать.

– Ты знаешь, где я живу? В блошином отеле – одна комната, кровать, раковина, плитка. У меня телевизор-то черно-белый. А знаешь, почему я работаю по ночам? Да потому что кое-кто еще работает: сводники, торговцы наркотиками и проститутки. Пьяницы просыпаются, чтобы снова напиться. Хочу поспать? Сплю, когда встает солнце. Да какая женщина пойдет за меня такого замуж?

– Ты цельный человек, Тед. Понимаешь, что истинно, что ложно. А таких женщины сами ищут.

– На сей счет у меня есть собственное мнение. Когда человек достигает шестидесяти трех, он уже не знает, где правда, где ложь. Так-то. А чего у меня действительно нет – это денег. Если были бы, знал на что потратить.

Терри заулыбался. – Уж это-то любой сумеет.

– А вот и нет. Двадцать, ну тридцать от общего числа. Отгрохал бы я себе что-нибудь такое, чтобы пожить на старости лет.

– Это вместо жены, что ли?

– Ну... почему я играю в лотерею? Там любят таких как я. Беднота не знает на что потратить деньги. Я – знаю. Первое, что бы я сделал – нанял адвоката. Потом создал бы новое телевидение...

– Тед, мне нужно тебя кое о чем спросить.

– Беда только в том, что я не счастливчик. – Он помотал головой. – Подожди минутку.

Тед шаркающей походкой ушел выполнять заказы, а Терри тем временем осмотрелся. Кокса что-то не видать, это хорошо.

– Итак, – молвил вернувшийся Тед, склоняясь к стойке и оглядывая зал, – о чем это ты хотел меня спросить?

– Прошлой ночью... Ну, когда Фрэнки упала, возле стойки бара стоял человек. Он был совсем рядом во время ее танца.

Тед кивнул, ожидая продолжения. Тут клиент заказал выпить, и Тед, наливая, сделал знак, что слушает.

– Я пытаюсь его найти.

– Кто-нибудь из постоянных?

– Раньше я его не видел.

– А как он выглядит?

– Не помню...

– Борода? Усы? Старый? Что-нибудь?..

Терри был в растерянности. – Он схватился за голову одновременно с Фрэнки, она тоже схватилась. Потом она потеряла сознание.

– Я ничего такого не видел... Но... там был тип, когда Фр-

энки упала. Он лежал распластанный на стойке бара, как будто его подстрелили. А тот, что был с ним, звал его по имени – Джоунси, Джоунси, но лежавший не реагировал. Мы потащили его на улицу и едва впихнули в такси. – Тэд покачал головой. – Тяжеленный. Я уже стар для таких дел. Если бы он не дышал, я бы подумал – мертвый.

– А как он выглядел?

– Не знаю... Лет сорок пять – пятьдесят. Темные волосы. Неплохое лицо.

– А что скажешь о втором?

Тед задумался. – Примерно того же возраста. Лысоватый. Волосы зачесывает так, чтобы скрыть лысину. Нос у него слишком большой. Нос алкоголика.

– Неужели?

Тед усмехнулся. – А что здесь такого? Два любителя выпить. Да это часто бывает.

– У Фрэнки паранойя, – бойко заявил Терри. – Ей кажется, что один из этих типов преследует ее. Она хочет выяснить, кто он такой.

Тед нахмурился, и Терри понял, что ляпнул не то. С тех пор как в "Вирго" стали выступать полуголые девицы, у бара появились "молчаливые" партнеры, которым очень не нравилось, когда занятых здесь девушек преследовали. Терри хотел следующими словами как-то исправить дело, но вдруг его хлопнули по спине. Удар получился настолько сильный, что он чуть не слетел со стула.

– Кокс, – вымолвил он, не поворачиваясь.

Кокс протиснулся к стойке бара. – Ну какая может быть ночь без этого симпатяшки Терри. Как там Фрэнки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.